

Армения
в
Русской
Литературе
и
Живописи

ЕРЕВАН
1.9.6.2

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՈՒ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Կ. Ն. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

ՆԱՅԱՍՏԱՆԸ
ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԵՎ
ԻՇՂԱՆԿԱՐՉՈՒԹՅԱՆ
ՄԵԶ

XVIII - XIX ԴԱՐԻ ԱՌԱՋԻՆ ԿԵՍԻՆ

Ե Ր Ե Վ Ա Ն

Հայկական 'ԱՄՆ Ռիբառոյթմենտի'ի Բկադեմիայի Հրատարակչութիւն

1962

3-15

39-50

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՐԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Կ. Ն. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

ՆԱՅԱՍՏԱՆԸ
ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԵՎ
ԻՇՂԱՆԿԱՐՉՈՒԹՅԱՆ
ՄԵԶ

XVIII - XIX ԴԱՐԻ ԱՌԱՋԻՆ ԿԵՍԻՆ

Ե Ր Ե Վ Ա Ն

Հայկական ՄԱՊ Ռեբրուցիոնների Վկայելիքայի Հրատարակչություն

1962

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ

891.71.09

7832

К. Н. ГРИГОРЬЯН

АРМЕНИЯ
В
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
И
ЖИВОПИСИ

XVIII - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

ЕРЕВАН

Издательство Академии Наук Армянской ССР

1962

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

ГЛАВА I

В течение многих веков Армения являлась для русских далекой, известной страной. Русские летописцы упоминают «Армению Великую и Малую», «Горы Араратские», как крайний предел христианского мира. В начале XVIII века создались предпосылки для непосредственного общения России с армянским народом. Во второй половине века в связи с растущими интересами русского государства на Востоке южным районам страны и Кавказскому краю уделяется особое внимание. В это время с целью изучения географических условий и природных богатств был осуществлен ряд экспедиций, в числе их и известные академические экспедиции 1768—1774 годов по Южной России и Кавказу, с участием виднейших ученых того времени. Академики Гильденштедт, Самуил Гмелин, Петр Симон Паллас, Маршал фон Биберштейн, М. Я. Лерхе были первыми исследователями юга России и Кавказа¹. Эти первые исследователи Кавказа в большинстве случаев были географами и натуралистами, преследующими цель обозрения естественных богатств края. Тем не менее, некоторые из них уделяли внимание и вопросам изучения культуры и быта местного населения. Так, например, в бумагах академика Палласа сохранились собранные им материалы по

¹ Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологический обзор и описание архивных материалов. Составила В. Ф. Гнучева. М.—Л., изд. АН СССР, 1940.

армянскому языку², использованные частично в сравнительных словарях «всех языков и наречий»³.

Долгое время в России представление об Армении сливалось с образом Кавказа. В конце XVIII—начале XIX веков вслед за общими обзорами Кавказского края появляются в русской периодической печати отрывочные сведения об Армении⁴.

В произведениях русской поэзии XVIII века Кавказ встречается как символическое обозначение далекого горного края. Сначала мелькают «Азийские страны», «Юг», как собирательное понятие, из которого со временем, постепенно выделяются Тавр и Кавказ.

А. Д. Кантемир первым из русских поэтов XVIII века в годы юности вместе с отцом, сопровождавшим Петра I в Персидский поход, побывал в 1722 году в Астрахани и в Ногайских степях. Эти юношеские впечатления нашли отражение в его мадригале, посвященном г-же д'Эгийон, где упоминается «Черкессия»⁵.

М. В. Ломоносов в «Оде в день тезоименитства е. и. в. вел. кн. Петра Федоровича» писал:

Фиссон шумит, Багдад пылает
Там вопль и звуки в воздух бьют,
Ассирски стены огонь терзает,
И Тавр и Кавказ в понт бегут⁶.
(1743)

В другом случае, в «Оде в день восшествия на престол Елиз. Петровны», поэт вновь обращается к Кавказу для того, чтобы воспеть обширные, необъятные просторы России:

² Архив Академии Наук СССР (Ленинград), Бумаги П. С. Палласа.

³ Часть I, СПб., 1784; часть II, СПб., 1789.

⁴ См. К. Н. Григорьян. Русские печатные источники конца XVIII, начала XIX вв. об Армении. Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. 1955, № 6, стр. 79—94.

⁵ Ф. Я. Прийма. А. Д. Кантемир. В книге: Литпоэ Кантемир. Собрание стихотворений. Л., Советский писатель, 1956, стр. 7, 280.

⁶ Собрание сочинений М. В. Ломоносова. СПб., 1840, ч. 1, стр. 93.

О муза, усугубь твой дар;
Гласи со мной в концы зёмныя,
Коль ныне радостна Россия!
Она коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы...
.....
Веселый взор свой обращает,
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли локтем на Кавказ...⁷.

(1748)

Кавказ упоминается и в произведениях других русских поэтов XVIII века: М. М. Хераскова, В. И. Майкова⁸, В. В. Капниста⁹, В. Петрова¹⁰.

Первые упоминания об армянах в русской поэзии находим во второй половине XVIII века. В 1778 году В. Петров, выражая в стихах свои верноподданнические чувства к Екатерине II, писал:

Молдавец, Армянин,
Индеец иль Еллин,
Иль черный Ефиоп,
Под коим бы кто небом
На свет ни произник;
Мать всем Екатерина...¹¹.

Тот же автор в оде «На кончину» Г. А. Потемкина, в числе живущих в России разных народов, упоминает и армянина:

Крушатся по тебе и малы и велики,
Болезнуют свои и чуждые языки;
Молдавец, Армянин и Влах, и Галл и Грек...¹².

(1791)

⁷ Там же, стр. 149.

⁸ Сочинения и переводы В. И. Майкова, СПб., 1867, стр. 61.

⁹ Сочинения Капниста, СПб., 1849, стр. 308.

¹⁰ Сочинения В. Петрова, изд. 2-е, СПб., 1811, ч. II, стр. 87.

¹¹ Сочинения В. Петрова..., ч. I, стр. 181.

¹² Там же, ч. II, стр. 113.

Во второй половине XVIII века произошли важные события в политической жизни России, которые не могли не сказаться и на судьбе армян. Русско-турецкая война 1768—1774 гг., вступление русских войск в пределы Грузии, усиление интереса русской дипломатии к Кавказу,— все это создавало благоприятные условия для установления более тесного контакта с армянами. В эту эпоху в русских государственных планах Армении уделялось особо важное место. Армянское население было сосредоточено главным образом на территории исторической Армении, хотя армяне жили и в Грузии и во всех закавказских ханствах. Поддерживая армянское освободительное движение, правительство Екатерины II намеревалось восстановить армянское государство, что целиком отвечало задачам русской восточной политики. Россия стремилась создать новое христианское государство, способное вместе с Грузией укрепить русское влияние на Востоке¹³.

В стихотворениях Василия Рубана нашли отражение события конца XVIII века, когда южные окраины России, прибрежные земли Азовского и Черного морей по плану Потемкина заселялись христианским населением, когда приток армян в пределы России принимал все более и более массовый характер. В надгробной песне, посвященной Потемкину-Таврическому, В. Рубан писал:

Ты, тихий Дон! и вы Усть-Кальмиусски воды!
Из ваших влагу педр днешь новы пьют народы:
Нахичевань при том, Мариуполь при сих,
И множество еще селений и других;
Для удобрения полей и садоводства,
Художеств и ремесл, торгов и судоходства,
Род греков и армян из Крыма преведен
И при Меотиде¹⁴ в России заселен...¹⁵.

¹³ См А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Издание государственного университета. Ереван, 1947.

¹⁴ Меотида — Азовское море.

¹⁵ Русская поэзия. Под ред. С. А. Венгерова. XVIII век. СПб., 1897, вып. 6, стр. 356.

Наконец, у А. Н. Радищева, в «богатырской повести» в стихах, в которой автор обращался к мотивам распространенной в XVIII веке сказки о Бове-королевиче, несколько строк посвящены Армении:

На Пегаса я воссевши,
Полечу я страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт черной облегают,
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство
Славно древле Мифридата,
Где Тигран царил в Армении...¹⁶.

Упоминание о Тигране II здесь не столько обусловлено специальным интересом к историческому прошлому Армении, сколько продиктовано политической атмосферой и возрастающим интересом России к Кавказу. «В 1770—1790-е годы,— пишет М. П. Алексеев в статье, посвященной анализу содержания сказочной поэмы Радищева,— русский правительственный и общественный интерес к тем странам, «что Понт черной облегают», чрезвычайно усилился»¹⁷.

Все эти единичные, случайные упоминания о Кавказе и об Армении ни в какой степени не могли дать русскому читателю реального представления о далекой стране. Г. Р. Державин первый из русских поэтов, под впечатлением рассказов о военных походах В. Зубова, создал величественные картины природы Кавказа:

О юный вожь!— сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,

¹⁶ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938. т. I, стр. 30—31.

¹⁷ М. П. Алексеев. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». В сб. Радищев, Статьи и материалы. Изд. Ленинградского госуд. университета, Л., 1950. стр. 192.

Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденные молний и громов..

.....
Ты видел, — Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицем веселым ослабляясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердяся,
Встает в упор ее крылам.
То скачет в твердь, то в ад стремяся,
Трезубцом бьет по кораблям:
Столбом власы седые выются,
И глас его гремит в горах...¹⁸.

По поводу этих строк Е. Вейденбаум, впервые обратившийся к теме Кавказа в русской поэзии писал, что описание Державина имеет слишком общий, отвлеченный характер; что картины, нарисованные русским поэтом, не содержат в себе типических черт пейзажа берегов Каспийского моря. «В применении к Прикаспийскому краю, пройденному графом Валерианом Зубовым во время персидского похода, — замечает Е. Вейденбаум, — написанная поэтом картина даже неуместна, так как там природа мягкая и ласковая, без ужасов и диких красот»¹⁹. В своих суждениях Е. Вейденбаум несколько односторонен. Он упускает из виду, что речь идет не о географическом описании края, а о поэтическом воспроизведении облика далекой неизвестной страны. В данном случае важны не подробности, не является столь существенным и вопрос о том, в какой степени точно отражены в стихах Державина климати-

¹⁸ Г. Державин. Стихотворения. Л., Изд. «Советский писатель», 1947, стр. 161—162.

¹⁹ Е. Вейденбаум. Кавказ в русской поэзии. Газета «Кавказ», 1898, № 185.

ческие условия края. Поражает другое: как человек, который никогда не бывал на Кавказе, лишь силою поэтического воображения мог создать столь верную картину красоты горной природы. «Страшные горы, ревущие в темных ущельях «сердитые реки», снежные обвалы, и, наконец гордые серны, которые

...склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рождение молний и громов...

Н. В. Гоголь, который тоже никогда не бывал на Кавказе, был восхищен величием созданной Державным картины. «Тут, казалось,— писал Гоголь,— хотел создаться *зримо* образ старца Каспия, но потерялся в каком-то духовном *незримом* очертании: ухо слышит один гул гремящего моря, и, вместе с седыми власами старца подымается волос на голове самого читателя, пораженного суровым величием картины»²⁰.

К кавказской тематике вслед за Державным обратился В. А. Жуковский. В конце 1813 года А. Ф. Воейков, товарищ Жуковского по университетскому пансиону, после возвращения с Кавказа поделился с ним своими воспоминаниями. Эти красочные рассказы о незнакомом крае воодушевили Жуковского, возбудили его романтическое воображение, и он под свежим впечатлением написал поэтическое послание, в котором, обращаясь к Воейкову, писал:

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на берегу,
Чеченец или черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И в далеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,

²⁰ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, Л., 1952, т. VIII, стр. 374.

Как туча, Эльбурис двуглавою.
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни олени,
Орла услышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями,
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там все является очам
Великолепие творенья!...»²¹.

После стихов Державина это был второй Кавказский пейзаж в русской поэзии. И на этот раз он был создан лишь силою воображения — Жуковский, как и его предшественник, не бывал на Кавказе. Е. Вейденбаум, признавая в послании «К Воейкову» «настоящий кавказский ландшафт», хотя и не писанный с натуры, а созданный по рассказам, поспешил все же отметить в нем «топографическую неточность: Эльбрус не виден с берегов Терека». По поводу этого замечания следует сказать, что, во-первых, Жуковский не собирался дать географическое описание Кавказа. Во-вторых, если в начале и говорится о берегах Терека, то это вовсе не означает (тем более, когда речь идет не о точном описании местности, а об обобщенном представлении), что все, о чем говорится в последующих строках, герой стихотворения видел с берегов Терека. Читателю может быть и любопытно сообщение Е. Вейденбаума о том, что

²¹ В. А. Жуковский. Стихотворения. Т. I, Изд. «Советский писатель», 1940, т. II, стр. 132—133.

Эльбрус не виден с берегов Терека, но это не вносит ничего существенного в восприятие поэтических строк Жуковского. В них, по сравнению с державинским стихотворением, есть нечто новое: язык послания «К Воейкову» более свободен от арханзмов, образы более конкретны и окрашены в специфические, характерные для мирозерцания Жуковского — романтические тона.

Русско-турецкие войны, победы русской армии над турками, присоединение черноморского побережья и Крыма к России, заключение договора с царем Картли и Кахетии Ираклием II о русском протекторате над Восточной Грузией, — все эти важные исторические события конца XVIII века способствовали большему сближению народов Кавказа с Россией.

Русская армия продвигалась все дальше на Кавказ, приближалась непосредственно к границам Восточной Армении и вдохновляла армянский народ в его освободительной борьбе против турецко-персидского ига.

В самом начале 80-х годов вместе с войсками прибыл на Кавказ один из выдающихся русских пейзажистов XVIII века Михаил Матвеевич Иванов, кисти которого принадлежат замечательные акварельные картины и рисунки, воспроизводящие живописные уголки Армении и Грузии.

По сравнению с Г. Р. Державным и В. А. Жуковским русский живописец оказался в более благоприятном положении. Если эти два русских поэта создавали свои кавказские пейзажи по рассказам друзей, то Иванов писал картины непосредственно с натуры.

М. М. Иванов, сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка, родился в 1748 году в Петербурге. В августе 1762 года вместе с братом Архипом он был принят воспитанником Академии художеств. В 1770 году окончил учебный курс с чином XIV класса. После окончания Академии совершенствовал свое мастерство в Париже и Риме. По возвращении из-за границы в 1779 году Иванов получил звание назначенного в академики. В 1780 году он был определен в штаб Г. А. Потемкина. Вместе с русскими войсками он попал на юг, получил чин премьер-майора и квартирмейстера при штабе, сопровождал фельдмаршала в его походах и по его личному указанию должен был изобразить достопримечательности Кавказа.

мечательные места и важнейшие события. М. М. Ивановым было исполнено значительное количество акварельных работ и рисунков, преимущественно пейзажи и изображение отдельных эпизодов русско-турецкой войны, в том числе: виды Кавказа и Тавриды, Дунайских крепостей, штурм Очакова и Измаила. В 1785 году за «рисунки разных видов Крыма и четырех видов Царского Села» Иванов был удостоен звания академика. После возвращения в Петербург он служил смотрителем отдела рисунков Эрмитажа и вел в Академии классы ландшафтной и батальной живописи. В числе его учеников были Сильвестр Щедрин и Максим Воробьев. Иванов умер 16 августа 1823 года в Петербурге²².

Не все работы Иванова дошли до нас. Многие из них потеряны. Наиболее богатое собрание принадлежит Государственному Русскому Музею в Ленинграде. Отметим важнейшие акварели из кавказского альбома Иванова. «В великой Армении», «Вид церквей в великой Армении при реке Арпачай», «Вид церквей у горы Арарат», «Остатки крепости Анталя при реке Лори в великой Армении», «Часть Ериван», «В окрестностях Еревана», «Горы Кавказские», «Часть Кавказских гор», «На границах Грузии», «Ананури», «Снони», «Тулет», «Остатки крепости на реке Куре», «Тифлис», «Часть Тифлиса», «Цхета», «Арагва».

В оценке творчества М. М. Иванова нет еще единой точки зрения. Дореволюционные исследователи, в частности А. Н. Бенуа, отмечая мастерское использование Ивановым сложной акварельной техники, отличное умение рисовать фигурами, знание перспективы, ставили его по мастерству выше Семена Щедрина. В то же время Бенуа отказывал Иванову в глубине понимания задач пейзажной живописи, характеризуя его как «маньериста» и декоративного художника.

А. Н. Бенуа не только Иванова, но и А. И. Бельского, Семена Щедрина и Ф. Я. Алексеева не считал пейзажистами. По его мнению, этих художников «почти не интересовала природа, ее настроение, ее краски; и они были типичными, несколько узкими видописцами,— портретистами известных местностей. Однако, разумеется, те из них, которые обла-

²² См. А. Федоров-Давыдов. Михаил Матвеевич Иванов. Изд. «Искусство», М., 1950.

дали более художественной душой, вносили в это «видописание» и некоторую поэзию²³. Последняя оговорка несколько смягчает слишком суровую оценку общего характера творчества русских пейзажистов XVIII века. Ближе подошел к историческому пониманию сложного процесса становления русского пейзажа А. Федоров-Давыдов, который пишет: «Изображение видов, зародившись в Петровскую эпоху, развивалось в XVIII веке, главным образом, как зарисовки путешественников и сопровождавших их рисовальщиков. Они не ставили себе художественных задач и носили сухой документальный характер. Часто это были «панорамные» изображения, недалеко ушедшие от изобразительной ландкарты. М. М. Иванов в своих произведениях, сохраняя точность изображения местностей, придал этим изображениям художественность. Это было большой важности делом, обогащавшим слагавшуюся пейзажную живопись»²⁴.

Намечая правильный путь в понимании места и значения творчества Иванова в становлении русского пейзажа, А. Федоров-Давыдов, тем не менее, называет его «создателем видового пейзажа». Этим несколько снижается художественная ценность картин Иванова.

Когда М. М. Иванов появился на арене, в русской живописи пейзаж только зарождался. Это было время, когда пейзаж постепенно освобождался от оков узко-описательной служебной роли, завоевывая право на существование, как самостоятельный жанр. Если на первых порах пейзажи напоминали ландкарты, то впоследствии они приобрели украшательный характер. Часто задачи художника ограничивались созданием красивых, приятных, изысканных с точки зрения аристократического вкуса того времени, картин местности. Наиболее талантливые из русских художников конца XVIII века выходили за рамки этих обязательных эстетических норм, вносили в русскую пейзажную живопись лирическое чувство, поэзию. К числу их принадлежал и М. М. Иванов.

Вместе с обогащением эмоционального содержания пейзажа развивалась и живописная техника, наблюдательность художника, умение группировать части, создать более строгую, гармоничную композицию.

²³ Александр Бенуа. Русская школа живописи. П., 1904, стр. 19—20.

²⁴ А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 3.

В процессе становления русского пейзажа значительной была роль предромантизма. Чувство природы ярко, по новому заиграло в творениях романтиков. Они создали необходимую основу и для расцвета пейзажной живописи. «Развитие пейзажа,— отмечает Н. Коваленская в общей характеристике русского искусства конца XVIII века,— было обусловлено растущим культом природы, который выдвинули сентименталисты и впоследствии широко развили романтики»²⁵.

В живописи и поэзии это был единый процесс. Они взаимовлияли и обогащали друг друга. Задумчивость, мечтательность, влюбленность в природу в одинаковой степени характерны как для поэзии русского сентиментализма, так и для наиболее выдающихся русских пейзажистов конца XVIII — начала XIX вв. Творчество Иванова следует рассматривать в общем русле зарождавшегося русского пейзажа, получившего свое дальнейшее развитие в произведениях его непосредственных учеников по классу ландшафтной живописи в Академии — Максима Воробьева и в особенности Сильвестра Щедрина.

М. М. Иванов много путешествовал, что не могло не способствовать его творческому развитию. Он быстро отходит от условного пейзажа, от принципа построения картины лишь на основе «сочинительства», отвлеченной игры воображения, без участия непосредственного живого восприятия природы. Он не только обращается к натуре, но и стремится к правдивости, ставит перед собою задачу, насколько можно судить по характеру его творчества зрелого периода, быть близким к природе. Все значительные работы Иванова, в том числе и кавказские пейзажи, были написаны на основе непосредственных впечатлений и наблюдений. «Мастерство Иванова в период расцвета его деятельности, в 80—90-ые годы XVIII века,— пишет один из современных исследователей его творчества,— чрезвычайно ровно. Он выработал к этому времени свою неподражаемую и не подражательную акварельную манеру на основе уроков нашей Академии и почти десятилетнего изучения лучших художников Запада»²⁶.

²⁵ Н. Коваленская. История русского искусства XVIII века. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 92.

²⁶ В. Макаров. М. М. Иванов и Ж. К. Мивилья. Сообщения госуд. Русского музея. II, Л., 1947, стр. 12—13.

В 1789 году брат М. М. Иванова перевел с итальянского и издал в Петербурге книгу, теперь представляющую библиографическую редкость, под заглавием «Понятие о совершенном живописце». Книга эта, несомненно, отражает художественно-эстетические понятия своего времени. Любопытно, что в этом объемистом трактате (183 стр.) изображению природы уделено всего лишь две страницы, где обязательные условия полноценного пейзажа изложены следующим образом: «Сколько бы совершенно какой пейзаж окончен ни был, но ежели мысленное сравнение изображенных предметов с естественными не показывает надлежащих оных доброты и характера, если местоположения не изображены с отменным искусством, или недостаток сей не награжден хорошим оттенением, если картина писана без разума, и места не оживлены подобиями человек, животных, или другими такими предметами, кои по большей части бывают в движении, и ежели к хорошему вкусу, и к необычайной ощутительности предметов, не присоединится истина и простота натуры: то такая картина никогда не будет уважаема, и не заслужит помещения в кабинетах истинных знатоков»²⁷.

Господствующие в России XVIII века эстетические нормы не могли не оказать воздействия на творчество Иванова. На языке современных понятий эти нормы можно опеределить следующим образом: а) «мысленное сравнение изображаемых предметов», то-есть живописный образ, созданный воображением художника, должен соответствовать реальной зримости предметов; б) «местоположение» должно быть избрано «с отменным искусством», т. е. уголок природы должен быть избран со вкусом; он должен быть оттенен и дополнен художником, который не должен быть рабом натуры, а в известном смысле и ее творцом, воссоздателем; в) картина должна быть написана не «без разума», т. е. она должна заключать в себе мысль, иметь свое конкретно-эмоциональное содержание; г) она должна быть «оживлена» фигурами

²⁷ Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев; и примечание о портретах — переведены первое с итальянского, а второе с французского Коллежским ассесором Архимом Ивановым. СПб., 1789, стр. 69—70. См. также: Н. Врангель. Русская книга XVIII века по искусству. Старые годы, 1907. июль-сентябрь, стр. 441—442.

людей и животных; д) изображенный в пейзаже предметный зримый мир должен обладать ясностью, необычайной осязаемостью, реальностью, правдивостью.

В этих рассуждениях, разумеется, нет четкости, полной ясности. Они могут быть истолкованы по-разному. Авторы руководства свою задачу видели не в рекомендации готовых рецептов и обязательных предписаний, а в пояснении начальных понятий о живописи.

М. М. Иванову, несомненно, была известна и другая книжка по искусству, изданная в 1792 году Петром Чекалевским. Она была предназначена для воспитанников Академии и для «любителей» искусств. В ней были даны краткие исторические сведения о развитии скульптуры, живописи и архитектуры. В разделе о живописи упоминается в числе других и М. М. Иванов, его «виды местоположений» в дни русско-турецкой войны²⁸.

Из картин М. М. Иванова, написанных маслом, известны только две. Одна из них «Вид Эчмиадзина» вместе с другими его работами была отправлена из Петербурга в Петергоф для восстановления картинного убора стен «Приморского Эрмитажа». Среди них была и другая, такого же размера как «Эчмиадзин», написанная маслом картина «Вид города Еревана», которая, по свидетельству В. Макарова, была в Петергофской галлерее до 1917 года²⁹. Ее первоначальный акварельный вариант хранится в Картинной галлерее Армении. В Петергофе же находились две гравюры с изображением Эчмиадзина, выполненные в 1808 году известным мастером-резчиком на меди академиком А. Г. Ухтомским. Эти гравюры, по всей вероятности, были заказаны Артемием Арапатским, который был близко знаком с Ухтомским, для своей книги «Жизнь Артемия Арапатского»³⁰. Первый вариант «Эчмиадзина» был

²⁸ Рассуждение о свободных художествах с описанием некоторых произведений Российских художников. Издано в пользу воспитанников имп. Академии Художеств советником Посольства и оной Академии Конференц-секретарем Петром Чекалевским. В Санкт-Петербурге, 1792 года, стр. 154.

²⁹ В. Макаров. Указанная статья, стр. 13.

³⁰ А. Ухтомский гравировал и портрет Арапатского. При издании книги по неизвестным причинам работы Ухтомского были заменены гравюрами Казачинского и Петрова.

выполнен Ухтомским в 1805 году³¹. Затем, в 1808 году, с готовой доски гравюра была повторена с той разницей, что после отпечатки Ухтомский от руки пририсовал на Арарате изображение Ноева ковчега и разукрасил золотом. Кроме того, сохранился второй вид Эчмнадзина, где в крупном плане, также с золотыми украшениями, изображен «Собор священномученика Григория». На обеих гравюрах в центре герб «Царства Армянского»³².

Древний монастырь привлекал внимание русских путешественников, как один из достопамятных видов Армении. Эчмнадзин был для них как бы символом, олицетворением древней христианской страны.

В альбомах Иванова сохранились наброски, показывающие ход работы над «Эчмнадзином». На карандашном рисунке «Араратские церкви» воспроизведены очертания древне-христианских храмов «Шогакат», «Рипсиме» и Гаянэ», а также очертания Эчмнадзинской церкви. Второй из набросков «Вид трех церквей Араратских в великой Армении в 1788 году» представляет первоначальный вариант акварельного пейзажа, который хранится ныне в фондах Государственной Третьяковской галлерей в Москве. Два первых наброска и акварельный вариант выполнены с натуры в путевом альбоме 1782—1783 года. Что же касается картины маслом, то она исполнена многие годы спустя, в самом конце XVIII века. Сопоставление набросков с окончательным вариантом картины позволяет говорить о композиционных принципах Иванова. В акварельных набросках, написанных с натуры, воспроизведен уголок древне-армянской земли. В окончательном варианте не только изменены формы деревьев, ставшие более декоративными, но внесены и новые художественные элементы, преследующие цель усиления колорита местности и придания картине большей композиционной цельности. Сле-

³¹ Экземпляр хранится в фондах Госуд. Русского музея, Ленинград. Гр. 32150. Оригинал, с которого выполнена гравюра, неизвестен. В моей статье «Армения в русской живописи XVIII века» ошибочно указано имя Максима Воробьева, как автора картины «Эчмнадзин». (Известия АН Армянской ССР. Общественные науки, 1952, № 2, стр. 70). Эта же ошибка механически повторена в книге: М. С. Саргсян. Связи армянского и русского изобразительных искусств в XIX—XX вв. (на армянском яз.) Изд. АН Армянской ССР. Ереван, 1953, стр. 24.

³² Обе гравюры в 1925 году из Петергофского дворца поступили в фонды Госуд. Русского музея. Гр. 30913, 30914.

ва, у высокой башни, появляются черные фигуры двух монахов и крестьянина с осликами. Справа, на переднем плане, группа людей; один стоит и трое сидят у арбы. Здесь же два лежащих буйвола. Живописные группы людей и животных, расположенных с двух сторон по краям картины, оживляют пейзаж. «В мягкой приглушенной тональности,— пишет В. Макаров о картине «Эчмпадзин»,— любовно и тонко выписана красочная группа крестьян у распряженной повозки (арбы) — на первом плане... Различными приемами написана перистая листва деревьев, трава и сочный плющ на каменной стене. Легкий высканый мазок — и в глубокой оконной нише церкви тускло блещит стекло. Чем дольше вглядываешься в этот пейзаж, тем больше находишь в нем живописных достоинств»³³.

Поэтическое восприятие и созерцательность характерны для кавказских пейзажей Иванова. Они принадлежат к числу его лучших созданий и приводят нас к истокам русской романтической живописи. В конечном счете он остается в рамках характерного для эпохи предромантизма мечтательного созерцания. Учеба в Академии и затем поездка во Францию и Италию предопределили основную тенденцию движения художника к романтизму. Горная страна с его непривычно яркими и разнообразными картинами природы, развалины древних архитектурных памятников Армении и Грузии несомненно способствовали развитию романтического чувства.

Стремление к естественности, к объективному изображению правдивости и простоте несколько не помешали Иванову оставаться в рамках романтического мирозерцания. Четкий рисунок в его картинах сочетается с мягкими, несколько бледными, нежными тонами. Не элементами сухого «сочинительства» или натуралистическими представлениями определяется стиль кавказских пейзажей Иванова, а отменным пониманием природы, развитым эстетическим вкусом, умением выбирать живописные уголки незнакомой местности, и, самое главное, одушевлять их поэтическим чувством. Композиционная цельность его работ не является суммой шаблонных приемов; она обусловлена цельностью самого восприятия — небо, горы, скалы, деревья, бурные воды, древние

³³ В. Макаров. Указ. статья, стр. 13.

развалины храмов, все они пропитаны единым чувством. М. М. Иванов не любит изображать природу без людей. Он следует за своим великим предшественником, французским пейзажистом XVII века Клодом Лорреном, картины которого с давних пор украшают залы Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

В картине «В великой Армении» среди гор и скал, на берегу бурной реки видим изображение двух как бы оживленно беседующих между собою друзей. В другой картине («Горы Кавказские») на переднем плане два всадника, спокойно едущие по горной дороге. Вид развалин Ани оживлен двумя красочными группами людей. По этим же принципам построены картины «Часть Кавказских гор при реке Тереке и ведущая через них дорога», «Граница Грузии» и «Вид Тифлиса». Исключение составляет картина «Вид крепости Анталя при реке Лори в великой Армении», где изображены скалистые вершины, развалины древней крепости и река с живописными берегами.

В цитированной выше книге «О совершенном живописце» вслед за предисловием помещены два стихотворения, одно из которых принадлежит перу Николая Герасимовича Жаркова (брата известного миниатюриста-портретиста) и озаглавлено: «К талантам Михаила Матвеевича Иванова». Оно написано в форме посвящения. В нем есть примечательные слова, показывающие как высоко ценили современники искусство Иванова. В нем не только определяется богатая тематика картин русского пейзажиста: «сельностей виды, пригорки, злаки, древа, тропинки, речки, тень, Кавказские выпри, дебрь, стремныи гор Тавриды», но и характеризуется высокое мастерство Иванова. Он «любитель сел спокойных, изобразитель мест прекрасных и градов», обладающий высоким даром «простой вид изящным начертать»³⁴.

До нас дошли виды Армении другого русского художника конца XVIII века Гавриила Сергеева, биографические сведения о котором весьма скудны. Он оказался на Кавказе также вместе с русскими войсками. По-видимому, он был при штабе В. А. Зубова в качестве живописца. Сохранилась гравюра А. Петрова с картины, «снятой с натуры» Г. Сергеевым: «Приведение к присяге на подданство Новошемахинско-

³⁴ Понятие о совершенном живописце.... стр. 2.

го Гассим Хана, среди российского корпуса под командою гр. В. А. Зубова, при реке Аскучай, в 1796 году»³⁵.

Картина изображает один из торжественных эпизодов почти тысячеверстового похода корпуса русских войск, который, овладев крепостью Дербент, покорив ханства Дербентское, Бакинское, Казакумыхское, Ширванское, Карабахское, Шекинское и Ганджинское, прочно стал лагерем на реке Куре, перебросив часть войск в Муганскую степь и угрожая столице Персии Тегерану. Г. С. Сергеев, по всей вероятности, был очевидцем этих событий и в качестве военного живописца запечатлел важнейшие эпизоды похода русских войск и достопримечательные уголки незнакомой страны.

Подлинники картин Сергеева, посвященных Кавказу, неизвестны. Сохранились лишь сделанные с них гравюры, воспроизведенные в книге Артемия Арабатского: «Вид первопрестольного Армянского монастыря Ечмиадинна, близ горы Арарат с окрестностями», «Вид города Еревана близ горы Арарат при реке Занге», «Вид города Тифлиса при реке Куре», «Вид города Дербента при Каспийском море», и «Вид города Баку».

Гравюра с первой картины из армянского цикла Сергеева «Вид Ечмиадинна» выполнена одним из замечательных русских мастеров, резчиком на стали А. И. Казачинским. Она несколько напоминает картину М. М. Иванова: здесь также на переднем плане распряженная арба с группой крестьян, те же оживленно беседующие монахи. Это сходство заставляет думать, что, быть может, ошибочно гравюры с картин Иванова приписаны Сергееву. Однако на воспроизведениях ясно указано: «Сним. снят Г. Сергеевым в 1796 году», т. е. тринадцать лет спустя после того, как были написаны с натуры акварели Иванова.

На второй гравюре, выполненной искусным мастером — Александром Петровым, изображен Ереван конца XVIII века, скалистый берег реки Зангу, украшенный деревьями, старинный мост, по которому медленно идут верблюды.

³⁵ Д. А. Ровинский. Полный словарь русских гравированных портретов, СПб., 1887, т. 1, стр. 992.

Живопись Г. С. Сергеева, насколько позволяют судить гравюры с его картин и подлинники его некоторых акварельных работ в фондах Русского Музея, в большей степени связана с традициями живописания, с его чисто служебным характером. Тем не менее дошедшие до нас немногочисленные работы забытого русского живописца говорят о его незаурядных способностях.

М. М. Иванов и Г. С. Сергеев были первыми русскими художниками, которых в конце XVIII столетия судьба забросила в далекую Армению. Картины их и поныне не потеряли свою художественную и, в еще большей степени, познавательную ценность.

Г Л А В А II

В начале XIX века в жизни Кавказа произошли события, повлиявшие и на дальнейшую судьбу Армении. Манифестом от 18 января 1801 года Грузия была соединена с Россией, которая с этого времени прочно утвердила свое влияние в Закавказье. Постепенно были воссоединены с Россией и азербайджанские области со значительным армянским населением. В 1804 году в состав Российской империи вошли Гянджинское ханство, а в 1805 году на ее сторону перешли Шушинское, Ширванское, Нухинское, Бакинское и Кубинское ханства. Новые территории были закреплены за Россией по Гюлистанскому договору, заключенному с Персией 12 октября 1813 года.

В эту эпоху крепнулись русско-армянские политические и военные связи. Особенно ярко сказалось участие армян в Отечественной войне 1812—1814 гг., когда многие сыны армянского народа сражались на стороне России против армии Наполеона. В этой кампании только из генералов-армян отличился: известный своими военными заслугами генерал-лейтенант Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов, генерал-майор Давид Артемьевич Дельянов, генерал-майор Абамелик I, генерал-майор Абамелик II, генерал-майор Павел Моисеевич Меликов. Многие воины и офицеры из армян пали на поле битвы³⁶.

Летом 1826 года началась война с Персией. После разгрома многочисленной армии противника под Шамхором русские войска под ко-

³⁶ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, М., 1833, часть III, стр. 307.

мандованием генерала В. Г. Мадатова заняли город Гянджу (Елисаветполь, ныне Кировабад). Военные действия вскоре перешли на территорию Восточной Армении. 19 сентября 1827 года русские войска овладели крепостью Сардарабат, а спустя несколько дней осадили Ереван, в то время основной оплот персидского владычества в Восточной Армении. Первого октября 1827 года русские войска, после семидневной осады города, вошли в Ереван.

Армяне-воины, сражаясь на стороне России, защищали интересы своего народа, потому что в русской армии они видели свою освободительницу. Вот почему, когда «звучало оружие русских у вершин Арарата», армянский народ с ликованием приветствовал вступление русских в пределы Армении³⁷. В дни русско-персидской и русско-турецкой войн многие из армян с огромным воодушевлением вступали в русскую армию, создавали в помощь ей свои национальные подразделения³⁸.

В результате победоносного завершения этих войн Восточная Армения была освобождена и присоединена к владениям России. Этим важным поворотным пунктом были созданы предпосылки для культурного возрождения армянского народа.

Русские воины, участники Эриванского похода, среди которых были сосланные на Кавказ декабристы, сознавали освободительную миссию русской армии. Один из них в своих «Персидских походных записках» писал: «Здесь целый народ, оживленный восхитительным событием. ежедневно ищет отраду: я говорю об армянах. Угнетенные под железным игом Персии, они не дерзали мечтать о благополучии».

В этих записках автор рассказывал о старце-армянине, единственным желанием которого было увидеть, наконец, «победу русских над врагами и восход ожидаемой звезды освобождения»³⁹. В другом случае русский автор в стихах обращался к Армении:

³⁷ С. Н. Г л и н к а. Обзор истории армянского народа, М., 1833, ч. II, стр. 253.

³⁸ З. Т. Г р и г о р я н. Участие армян в русско-персидских войнах начала XIX века. Вопросы истории, 1951, № 4, стр. 16—25.

³⁹ Из персидских походных записок русского воина (7-го января 1828 года. Крепость Эривань. Русские святки). Дамский журнал, 1830, ч. XXIX, стр. 71—74.

...Арменская страна! В неволе унывая,
Иль вечно будешь зреть позор своих племен!
Проснись, восстань!..
Стремится в путь побед полночно ополченье:
На дерзостных врагов Паскевич их ведет;
Он начал, он свершит твоё освобожденье:
Герою русских стран нигде преграды нет.
Оставит хищный перс арменские пределы,
Возблещет над тобой блаженная заря!..⁴⁰

Граф Д. Хвостов, воодушевленный победой русского оружия, написал оду, в которой воспевал Паскевича:

Летит на крыльях Эриванский,
Зеленый лавр всечасно жнет;
Отряд слыша мусульманский,
Иноплеменника не ждет;
Там рать за горы перекинет,
Там на твердыни силы двигнет;
Тиграна край прикрыв щитом!..⁴¹

В таком же духе писал Федор Глинка в посвящении «Графу Эриванскому» после взятия Карса:

Тебя героем вижу я!
И се! Ты персов победитель,
И Арарат и Алагез,
Доступный нашим, ныне зритель
Твоих воинственных чудес
С тобой край дальный туркоманов
Спознает русский в первый раз.

Ник. Нек.
✓⁴⁰ Анненков. Стихи, сочиненные до взятия Эривана, при переходе российских войск через Аракс. Дамский журнал, 1830, часть XXIX, стр. 171—172.

⁴¹ На мир в Адрианополе 1829 года сентября 2-го дня. Стихотворение графа Хвостова. СПб., 1829.

Дрожат заслоны оттоманов:
И вот уже трехстенный Карс
Своею ратью обтачая,
Придя, узрел — и положил:
И в зыбкой влаге Арпачая
Коней придонских напоил...⁴².

Все эти стихи не блещут художественными достоинствами, но тем не менее они не лишены интереса, как непосредственные отклики на военные события конца 20-х годов прошлого столетия. Это были первые стихи, в которых русские авторы обращались непосредственно к далекой стране, в той или иной степени выражая свое сочувствие и свою симпатию к армянскому народу.

После победы над персами по Туркманчайскому договору от 10 февраля 1828 года к России перешли ханства Эриванское и Нахичеванское, а также Ордубатская область. В результате войны с Турцией, последовавшей после русско-персидской войны, по Адрианопольскому договору 1-го сентября 1829 г., Россия приобрела Ахалцыхский пашалык.

В годы русско-персидской и русско-турецкой войн из русских писателей в Армении побывали: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, А. Н. Муравьев, А. С. Хомяков.

Грибоедов первый из русских писателей посетил Армению. В 1817 году после военной службы он поступил в иностранную коллегию в качестве переводчика, а в середине 1818 года был назначен секретарем при поверенном по делам Персии С. И. Мазаровиче. В зиму 1818—1819 гг. он в качестве секретаря русской дипломатической миссии, еще при владычестве сардаря (персидского правителя края) Гуссейн-хана, по дороге в Тегеран побывал в Армении. В самом начале февраля 1819 года Грибоедов прибыл в «армянскую столицу», в Эривань, преодолев трудности пути в зимних условиях. Более шестидесяти верст пришлось ехать по глубокому снегу. «Вам, гиперборейцам,— писал Грибое-

⁴² Славянин. Военно-литературный журнал, издаваемый А. Воейковым. СПб., 1828, часть восьмая, стр. 29—30.

дов,—невероятно покажется, что есть другие края и на юге, где можно себе отморозить щеки»⁴³.

Впечатления от армянской земли нашли отражения в путевых записках Грибоедова, которые, к сожалению, дошли до нас лишь в отрывках. Своеобразие этих записок предопределялось их назначением и теми условиями, в которых они писались. Грибоедов вел свой путевой дневник в форме писем к ближайшему другу, отставному полковнику Степану Никитичу Бегичеву.

Дневник Грибоедова был предназначен лишь для близких его друзей. В записи от 31-го января 1819 года читаем: «Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет»⁴⁴. Этим Грибоедов хотел, очевидно, подчеркнуть, что он вел свои записки не для печати, но не была исключена возможность, что впоследствии он мог вернуться к ним с целью придать им определенную литературную форму.

В путевых записках Грибоедова взгляд автора, его восприятие в целом, имеют преимущественно характер поэтический. Он смотрел на природу, на картины жизни незнакомой ему страны глазами поэта. В конце 1826 года Грибоедов писал к другу из Тифлиса: «Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточно-ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? по словам Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов»⁴⁵.

Не будет преувеличением сказать, что в русской поэзии Кавказ до Пушкина открыл Грибоедов, но, к сожалению, его творческие замыслы остались неосуществленными. Трагическая смерть прервала жизнь «ис-

⁴³ Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова. Петрозград, 1917, т. III, стр. 43.

⁴⁴ Том III, стр. 39.

⁴⁵ Том III, стр. 196.

тино вдохновенного певца». Об этом говорят и обрывки рукописей периода его пребывания на Кавказе.

Записи Грибоедова иногда весьма лаконичны: «Руины на скале», «Утренняя песнь грузинцев». «Караван, описание, странствующие 600 (человек): ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют»⁴⁶. Эти записи, сделанные для памяти, оставляют впечатление плана будущего развернутого повествования. В других случаях краткость, лаконичность записей не мешает им быть не только выразительными, но и цельными с точки зрения восприятия: «Ночь в Дарнале. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека... Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль...»⁴⁷.

Некоторые записи Грибоедова позволяют говорить о способности его видеть картины природы глазами истинного живописца: «Контраст зеленых оград с седыми верхами гор». «Смеркалось, длинная тень монастыря на снежном вершу». «Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч, цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью». «Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые как волны зыблются от переменчивого отлива»⁴⁸. Создает впечатление, что эти строки пишет художник, живописец, который стремится в своих записях точно определить красочную гамму, отметить цветовые контрасты, яркость и красочность горного пейзажа. Грибоедов вместе с тем ощущал невозможность при помощи слов рисовать эти неповторимые ландшафты. «Дорого бы я отдал за живописца — писал он в Дагестанских горах, — никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их поглощало и они тогда как кипящее огненное море...»⁴⁹. «Нынче мы с трудом прорабатывались между камней, по гололеднице, в царство Жуковского, над пропастями, туманы, туманы над горами». В записях Грибоедова иногда встречаются более развернутые описания природы. Сильное впечатление произвел на него Арарат, когда он «над мглою, которая носилась по необозримой долине», впервые увидел «две горы...

⁴⁶ Том III, стр. 30—33.

⁴⁷ Том, III, стр. 31, 38.

⁴⁸ Том III, стр. 30, 33, 54.

⁴⁹ Том III, стр. 41.

необычайной вышины». «Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские,— писал Грибоедов,— не поразили меня такою огромностью; оба вместе завладели большею частью горизонта — это двуххолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его.— Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговееет перед священными преданиями, один вид этой древней горы срывает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию: меня всего обдало сыростью, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезало, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча висела над нами до Эривана».

Таким образом, первое поэтическое описание Арарата в русской литературе принадлежит Грибоедову. Оно имеет много общего и родственного с Пушкинским описанием в «Путешествии в Арзрум»⁵⁰.

В записках Грибоедова встречаются и бытовые, этнографические зарисовки, в которых мы видим наблюдательность автора, его умение несколькими штрихами типических черт создавать верную картину. В рассказе о ночлеге по пути из Тифлиса в Ереван Грибоедов описывает внутренность обыкновенного крестьянского жилища на Кавказе⁵¹. В другом случае он рисует картину отдыха в пути, ночью: «развели огни, около них иные согревались, другие насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, возле которого обсею странствующее купечество, лошади наши паслись на пригорках»⁵². По этому описанию легко представить и разношерстный состав людей, и ночную картину шумного отдыха у огня после долгого трудного пути.

В 1818—1819 году, по пути из Грузии в Персию, Грибоедов побывал в Армении всего несколько дней: три дня в Ереване, остальные в дороге. Общее впечатление от древней страны было у него угрюмым, унылым. Он отмечал в дневнике «пустынное однообразие» равнины, а в

⁵⁰ Том III, стр. 44.

⁵¹ Том III, стр. 41.

⁵² Том III, стр. 42.

Ереване ему было скучно, и он сделал следующую запись: «Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des deserts de l'antique Arménie...⁵³

Грибоедов посетил Ереван в зимнюю пору, когда город был лишен зелени садов. Зима была необыкновенно холодная. «Никто здесь не запомнит такой стужи, — отметил Грибоедов в дневнике, — все южные растения померзли»⁵⁴. Город оставил на него невзрачное впечатление: «Еще теперь слышу, — писал он, — как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей... быстрая Занга в иных местах застыла, в других медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани». Холодно было Грибоедову в пути в снежных горах. Подъезжая к Арарату, он писал, как в февральской «влажной стихии» всего его «обдало сыростью, которая проникла до костей». В Ереване ему был предоставлен ночлег в доме Мегмед-бега, где он никак не мог отогреться, хотя и вечером его «покои озарило красное солнышко Эривани». С местным армянским населением Грибоедов во время первого приезда почти не встречался. При въезде в город, в сопровождении посланного от сардаря, он увидел лишь толпу жителей «армянской столицы», когда страж «в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с всякими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал путь и был без милосердия всякого, кто ему под руку попался», у Грибоедова было большое желание побывать в резиденции католикоса, но он из-за холода, даже «не отважился съездить в древний Эчмиадзинский монастырь»⁵⁵.

Три дня гостил Грибоедов в «армянской столице». У Мегмед-бега отведал он «янтарный гроздный сок, нектар Эривани и пурпурное кахетинское»⁵⁶, но настроение его не изменилось. Чувство одиночества, холот, произвол, угнетенное население, «лестницу слепого рабства и слепой власти», лицемерные речи сардаря Гуссейн-хана и Мегмед бега,

⁵³ Том III, стр. 43 (Фр.). Перевод: «В глубине пустынь древней Армении».

⁵⁴ Том III, стр. 49.

⁵⁵ Том III, стр. 43, 45, 51.

⁵⁶ Том III, стр. 47.

приторная «персидская учтивость», цену которой он понимал, все это у него на сердце легло тяжелым камнем. Седьмого февраля, «в пасмурный, ненастный день» он покинул Ереван.

Грибоедов приехал в Тавриз и оттуда направился в Тегеран, куда он прибыл 10 марта. В начале июля он вместе с шахом совершил путешествие по Персии и 22 августа возвратился в Тавриз. Пробыв здесь десять дней, Грибоедов вместе с отрядом пленных русских солдат пускается в обратный путь. Он теперь проезжает через Армению осенью (в конце сентября), откуда едет в Чечню к главнокомандующему генералу Ермолову для получения новых указаний и возвращается в Тифлис, проводя здесь несколько спокойных месяцев. Вскоре Грибоедов получает инструкцию и 10 января 1820 года снова отправляется в Персию. В этот раз ему удастся осмотреть Эчмиадзинский монастырь, познакомиться с католикосом, армянским патриархом. В путевом дневнике он записал «патриаршее сравнение: Эчмиадзин как роза между терниями». 20 января Грибоедов дважды чуть не утонул в какой-то речке (в какой, он не называет), «которая вздулася» и трудно было переправиться на другой берег⁵⁷.

Спустя семь лет Грибоедов вновь посетил Армению, но теперь при иных обстоятельствах, в дни русско-персидской войны. В середине августа 1826 года Грибоедов выехал из Москвы на Кавказ, в штаб Паскевича, в качестве «чиновника по дипломатической части». На него возложены были обязанности по внешним сношениям с Турцией и Персией. В мае 1827 года начался поход на Ереван. Грибоедов двигался со штабом русской армии.

Впечатление от второго посещения Армении в бумагах Грибоедова оставили более значительный след. Сохранились отрывки его путевых записок периода Эриванского похода русской армии.

Неподалеку от селения Амамлы 4 июня Грибоедов побывал у «Мавзолея Монтресора»⁵⁸. В стороне от дороги, в долине стояла одинокая могила русского вонна. Во время похода под Эривань 1804 года, подполковник тифлисского мушкетерского полка Монтресор был послан в

⁵⁷ Т. III, стр. 66—67.

⁵⁸ Т. III, стр. 84.

Каракилис за провиантом, во главе отряда в составе шестисот отборных солдат, которому были приданы три легкие пушки. Выступил отряд темной ночью. Персияне, пропустив русских в восемь миль в глубину, окружили их. На помощь неприятельским войскам поспешила возвратившаяся из Грузии десятитысячная персидская армия. Несмотря на огромное превосходство противника, русские пошли в штыковую атаку и до единого солдата все погибли. Монтрезор, оказавшийся один, окруженный со всех сторон озверелыми полчищами персиян, сделав из пушки три выстрела и видя, что пет больше снарядов, бросился к пушке, где и был разрублен на куски⁵⁹. Грибоедов вторично посетил могилу Монтрезора в 1828 году со своей молодой женой. «На лицах их отражалась грусть, которая давала понять, что целью их посещения была одинокая могила, в виду которой они сочли священным долгом почтить память человека, со славою и честью запечатлевшего службу отечеству»⁶⁰.

22 мая 1827 года Грибоедов через Шулаверы и Лалварские горы приехал в Лори, 6 июня открылся перед ним Арарат, а через два дня он прибыл в Эчмиадзин, где главнокомандующего встречали «колокольным звоном».

При въезде Грибоедова в Ереван у моста через Зангу его приветствовало освобожденное от персидского ига армянское население во главе с духовенством. В деревне Сардарак Грибоедова встречали курды⁶¹.

Дневник 1827 года отличается от путевых записок 1818—1819 гг. Теперь Армения показалась Грибоедову другою. Лето было в самом разгаре. Хотя всюду видны были свежие следы войны, но зеленые луга, цветущие сады и обильные посевы говорили о плодородной земле. Грибоедов вдыхал «ароматический воздух лесной и луговой». Он назвал Армению «обработанным краем», о котором писал: «куда не кинешь глазом, все деревни... множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать». Через несколько дней Грибоедов записал: «Жатва не собра-

⁵⁹ См. подробно: Записки Сергея Алексеевича Тучкова. (1766—1808), СПб., 1908, стр. 241—242.

⁶⁰ Ад. П. Берже. А. С. Грибоедов в Персии и на Кавказе. Рус. старина, 1874. Кн. 10, стр. 297.

⁶¹ Т. III, стр. 298.

на, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства»⁶². Не ускользнули от наблюдательности Грибоедова типичные картины Армении после освобождения Еревана⁶³. Грибоедов проявил особый интерес к памятникам старины. Он восхищался руинами древних храмов, произведений армянского зодчества. 22 мая 1827 года он бродил по лорийскому ущелью, спустился «в овраг каменный и крутобегий», где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной». Он любовался красотой природы и архитектурой древних мостов: «Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута». Не довольствуясь общим впечатлением, Грибоедов осматривал развалины другого моста через реку Дебет, изучал и тут же записывал свои впечатления: «Стены и бойницы в несколько ярусов по противоположному утесу; вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем, вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с водоема вытекает другая речка и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх...» Грибоедов, обозревая типичный для древней Армении пейзаж с развалинами мостов, церквей, крепостей, предавался размышлениям об истории края, о его богатом культурном прошлом⁶⁴.

В записках Грибоедова и на этот раз, как и в путевом дневнике 1818—1819 года, впечатления от природы заняли значительное место. Эти впечатления хотя и зафиксированы краткими лаконичными фразами, тем не менее, пейзажные зарисовки Грибоедова не лишены самостоятельного значения. В них искрится живая творческая мысль автора, яркая оригинальность его высокопоэтического дарования:

«С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса».

«Арат безоблачный возвышается до синевы во всей красе».

⁶² Т. III, стр. 86—87.

⁶³ События 20-х годов XIX века, состояние Армении этого времени нашли отражение так же в письмах А. А. Бестужева-Марлинского. См.: М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, книга вторая, Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1961, стр. 287—290.

⁶⁴ Т. III, стр. 83.

«Прелестное селение Аштарак,— мост в три яруса на трех арках, под ним река Абарень дробится о камни...».

«Поэтический вечер в галлее Эчмиадзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит...».

«Яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата».

«Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные».

«Прекрасная деревня над Араксом, Хоки... Тучи и дождь, потом луна всходит...»⁶⁵.

Грибоедов любовался на Безобдальский перевал, он раскинул шатер над водами и слушал «приятное журчание» родников. По боковой тропинке он поднялся «до самого верха, где ветер порывистый». Это было в начале июня 1827 года, а через год с лишним он снова оказался на Безобдале в дни русско-турецкой войны. На этот раз «на самой крутизне Безобдала» была «сильнейшая гроза», которая продержала путников на всю ночь и они промокли до костей. Не прошло и года, как Пушкин, проезжая по Безобдальской долине, встретился с телом убитого Грибоедова.

В путевых записках Грибоедова запечатлена сама Армения, страна древней культуры, ее суровые ландшафты. Большой поэт чувствует и в этих кратких записях, черновых, наспех сделанных в пути набросках. Эти по необходимости беглые зарисовки могли развернуться в законченные яркие картины, в совершенные создания поэзии, если б не преждевременная трагическая смерть автора.

В дни русско-персидской войны вместе с Грибоедовым на Кавказ приехал Денис Давыдов. В 1826 году, когда началась война с Персией, прославленный поэт-партизан был в отставке, в чине генерал-майора. Но когда вновь зашумели «знамена бранной чести», поэт-воин, простившись с семейством, спешит на Кавказский фронт.

«В десять дней Давыдов на Кавказе,— пишет поэт в автобиографической записке,— еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бампакской долине. Наконец, еще один сутки, и он близ заоблочного Алагеза, пора-

⁶⁵ Т. III, / стр. 82—87.

жает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар Эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого...⁶⁶.

Впечатление от Армении оставили след и в поэтическом творчестве Давыдова. В стихотворении «Полусолдат» (1827), высокое поэтическое достоинство которого было отмечено В. Г. Белинским, автор несколько вдохновенных строк посвятил описанию спящей природы армянского нагорья:

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный
И Алагяз, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зафир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом...⁶⁷.

В начале 1830-х годов к армянской теме обратился С. Н. Глинка, автор двухтомного «Обозрения истории армянского народа»⁶⁸ и «Описания переселения армян аддербиджанских в пределы России»⁶⁹.

В 1831 году С. Н. Глинка издал отдельной книжкой две повести в стихах: «Гайк, первый победитель завоевателя» и «Ардоат или Адоат — спаситель Армении и Отечества»⁷⁰. Темы их были заимствованы, как сказано автором в «Предуведомлении» из «древне-армянских летописей». Повести Глинки написаны в стиле торжественных од XVIII века, в приподнятом «высоком» стиле:

⁶⁶ Денис Давыдов. Полное собрание сочинений, Издательство писателей в Ленинграде, 1933, стр. 62.

⁶⁷ Там же, стр. 115—116.

⁶⁸ М., 1832—1833.

⁶⁹ М., 1831.

⁷⁰ М., 1831.

Когда земля была объята
Бурливой казнью грозных вод;
Там — на вершинах Арарата
Ковчег окончил дивный ход.
Там — на армянском небосклоне
Блеснул завета первый луч...⁷¹.

Или:

Почто армянские вы горы
Завесой мрачной облеклись?
Везде слезящи вижу взоры;
Повсюду стоны разнеслись!
Почто плач слышу я народа?
Ужель блестящий ваш Арев
Светить, армяне, отказался?
Ужель Вагаки явил там гнев,
Где к вам любовью оживлялся?
Нет! Солнце тоже светит там;
Но грусть, но скорбь пришла душам...⁷².

После появления в печати повестей С. Н. Глинки, в майской книге журнала «Телескоп» за 1831 год, был надпечатан краткий отзыв, в котором говорилось: «Известный писатель наш, С. Н. Глинка, славившийся в свое время патриотическим энтузиазмом, возвышавшимся до поэтического одушевления, посвящает ныне досуги свои спокойному испытанию армянских летописей... Но поэзия, обратившаяся в его стихию, взяла верх и здесь; так что первые впечатления, почерпнутые из армянской истории, излились обратно из души его в двух лирико-эпических повестях. Герой первой из них есть Гайк, современник и сокрушитель Немврода; герой второй — Ардоат или Адоат, спаситель Армении и отечества от Александра Македонского. Распространяться о достоинстве сих песнопений нечего: имя поэта есть уже достаточное ручательство. Прибавим только, для их читателей, что мы слышали отрывки из самого обозрения ар-

⁷¹ Из повести «Гайк...».

⁷² Из повести «Ардоат...».

мянской истории, внушавшего поэту сии песнопения; и сознаемся торжественно, что в отрывках сих нашли более философии и высших взглядов, чем сколько можем ожидать от иной целой истории гораздо большего и знаменитейшего народа»⁷³.

Слова эти принадлежат М. А. Максимовичу, знатоку и исследователю древнерусской словесности и фольклора, который был хорошо знаком с А. С. Пушкиным и находился в дружеских отношениях с Н. В. Гоголем. В отзыве Максимовича особенно интересно и ценно высказывание его об армянской истории. Оно показывает как воспринималось «Обозрение истории армянского народа» Глинки в передовых слоях русской интеллигенции. Что же касается «повестей в стихах» Глинки, то, очевидно, она объясняется общим сдержанно-вежливым тоном по отношению к автору, которого Максимович, по всей вероятности, хорошо знал.

Стихотворные опыты С. Н. Глинки важны как первые попытки поэтической разработки армянской исторической темы в русской литературе⁷⁴.

⁷³ В русской периодической печати после выхода первого тома «Обозрения истории армянского народа» были и отрицательные отзывы. Так, например, в «Библиотеке для чтения» появилась рецензия (автор, по-видимому, С. О. Сенковский), в которой «Обозрение...» расценивалось, как поверхностный труд, и выражалось сомнение по поводу достоверности источников, на которые опирался С. Н. Глинка. Библиотека для чтения, 1834, т. VII, стр. 32—34.

⁷⁴ До С. Н. Глинки к армянской теме обратился Сергей Митропольский, который в 1813 году издал отдельной брошюрой поэму «Мысли о Армении». В ней воспеваются Тигран II, Трдат III, Григорий Просветитель и Месроп Маштоц. Поэма Митропольского издана отдельной книжкой в Петербурге, в типографии Иосифа Иоаннесова. Митропольский—автор двух других брошюр: *Мысли о Иерусалиме*. СПб., 1814 и *Приветствия нового года 1814 или величье россии*. СПб., 1814.

Г Л А В А III

Познания Пушкина об Армении, как можно судить по его произведениям и письмам, ограничивались сведениями общен исторического, географического или статистического характера.

В лирике Пушкина до его ссылки на юг нет упоминаний не только об Армении, но и о Кавказе. В 1821 году в Кишиневе поэт написал «Гаврилиаду», в которой имеются строки:

...Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал...

Было бы, конечно, крайне интересно установить точно, о каком «предании» идет речь, но поиски в этом направлении не увенчались успехом. Конкретного источника, который в какой-то, хотя бы отдаленной степени, напоминал пушкинскую тему, назвать невозможно. Если бы даже удалось разыскать в армянской апокрифической литературе нечто похожее, то и тогда нельзя было бы утверждать, что «армянская легенда» явилась источником «знаменитой поэмы»⁷⁵, потому что пушкинская строка об «армянском предании» относится лишь к частности, к отдельному эпизоду, а не к сюжету «Гаврилиады» в целом. Вполне допустимо,

⁷⁵ К. В. Айвазян. О «Путешествии в Арзрум» Пушкина. Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций. М.—Л., 1952, стр. 165.

что строка об «армянском предании» была подсказана поэтическим воображением. В этом случае не обязательно, чтобы автор оттолкнулся от конкретного источника. Пушкин мог вовсе не иметь в виду определенно «армянское» или какое-либо другое предание.

Нельзя обойти молчанием известные строки из неоконченной поэмы «Тазит» и стихотворение «Черная шаль», названное автором «Молдавской песней». В Кишиневе был написан также черновой набросок 1821 года, в котором поэт, изображая картину пестрой толпы на его оживленных улицах, среди других упоминает и «армянина»⁷⁶, характеристику которого он мог заимствовать из популярной в то время книги Семена Броневского⁷⁷.

Стихотворение «Черная шаль» имело огромный успех. В печати появилось много разных толков по поводу нового создания пушкинской музыки. Оно было переложено композитором Верстовским на музыку, что еще больше способствовало его популяризации. Появились и подражания, пародии⁷⁸. Еще при жизни Пушкина, через три года после его посещения Кавказа, в «Тифлиских ведомостях» была напечатана пародия анонимного автора на «Черную шаль». Она лишена литературного значения, но в ней заключаются некоторые любопытные моменты, которые явились своеобразным откликом тифлиских читателей на пушкинское стихотворение. Автор пародии, пользуясь готовыми поэтическими формами, изменил сюжет «Черной шали» в определенном направлении. В этой пародии совершенно исчез «армянин». Вместо «прекрасной девы» гречанки, появилась «прекрасная армянка». По-видимому, делалось все это намеренно⁷⁹.

Когда речь идет об отношении Пушкина к армянам, то нужно принять во внимание одно весьма важное обстоятельство. В России, в течение многих веков представление об армянах складывалось из слу-

⁷⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1947, т. 2/1, стр. 468.

⁷⁷ Книга С. Броневского имела в личной библиотеке Пушкина: См. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Выпуски IX—X, СПб., 1910, стр. 15.

⁷⁸ Альманах «Венера», 1, М., 1831, стр. 51—53. Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина. Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин, М., 1913, стр. 105—106.

⁷⁹ Тифлисская пародия на «Черную шаль». Тифлиские ведомости, 1832, № 2, стр. 34.

чайных общений с людьми преимущественно торгового сословия. Долгое время, в силу сложившихся исторических условий, даже лучшие представители русской интеллигенции не знали армянского народа. С. А. Тучков и А. С. Грибоедов были первыми из русских писателей, которые близко соприкасаясь с армянским населением на Кавказе, отметили разницу между купцами и трудовой народной массой. С. А. Тучков в 1805 году писал «о народе армянском, обитающем в Грузии», что он состоит преимущественно из ремесленников, военных и земледельцев. «В случаях военных,— писал Тучков,— показывают они довольно неустрашимости и способности управлять оружием. Живущие по деревням упражняются в земледелии и обрабатывании садов»⁸⁰. В специальной «Записке о переселении армян» А. С. Грибоедов в 1828 году писал: «Обращаясь к переселенцам, я нахожу, что они гораздо полезнее наших грузинских армян, вообще торгашей, не приносящих никакой пользы казне; а перешедшие из Персии большею частью — ремесленники и хлебопашцы»⁸¹. Под «грузинскими армянами» Грибоедов имел в виду тифлисских купцов, а не живущих в пределах Грузии ремесленников и крестьян. Что же касается Пушкина, то упоминание армянина в «Черной шали» и «Тазите» не отражает взгляды автора. И в первом, и во втором случаях источником служили, по-видимому, рассказы окружающих. В «Тазите» несомненно сказались отношение мусульман к христианским народам, в частности, к армянам.

Обычно ссылаются на черновые отрывки сказочной поэмы о «Бове», как на доказательство знакомства Пушкина с историей Армении.

Приводим все, что в этих набросках относится к Армении, пользуясь всеми черновыми вариантами:

I.

Кого союзником и другом
Себе ты выбрал Зензевей.
Кто будет счастливым супругом
Царевны дочери твоей —

⁸⁰ Сочинения и переводы С. А. Тучкова, СПб., 1817, ч. IV, стр. 160.

⁸¹ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч. Под редакцией Н. К. Пиксанова, П., 1917, т. III, стр. 270.

Она мила, как ландыш мая
Резва, как лань Кавказских гор.

II.

Зачем война гремит
Во славном царстве Зензевея?
За чем свирепея
Армянский конь хратит.

III.

В Армении в палаты Зензевея
Съезжаются могучие цари⁸².

В другом наброске царь Зензевей изображен как «грузинский владыка», что говорит о безразличии поэта к тому, будет ли герой армянским или грузинским царем.

Обзор всего того, что говорит Пушкин об Армении и армянах, дает основание утверждать, что, к сожалению, он имел об армянском народе, о его историческом прошлом, о его культуре весьма общие представления, что у поэта не было приписываемого произвольно некоторыми авторами специального интереса к Армении и армянскому народу. Единственным произведением, которое позволяет говорить об отношении Пушкина к Армении, остается его «Путешествие в Арзрум».

Для того, чтобы правильно понять и оценить такой своеобразный литературный памятник, каким является «Путешествие в Арзрум», необходимо прежде всего уяснить причины поездки Пушкина на Кавказ. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным Е. Г. Вейденбаумом о том, что «окончательное решение бросить столицу и отправиться в Азию созрело в Пушкине внезапно, под влиянием того тревожного состояния духа, в котором он находился в то время»⁸³. Вейденбаум, а вслед за

⁸² Пушкин. Полное собрание сочинений. АН СССР, том пятый, 1918, стр. 155—156, 502—503.

⁸³ Е. Г. Вейденбаум. О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 г. В сб. Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899, стр. 110.

ним и другие, говоря о «тревожном состоянии духа» поэта, разумеется, имеют в виду не только факты личной биографии Пушкина, отрицание которых было бы нелепостью, а также важнейшие события общественной жизни.

В жизни Пушкина 1828 год был особенно тяжелым. В марте начинается дело о стихотворениях «Из Андрея Шенье», в июле-августе идет расследование об авторстве «Гавриляды», в августе устанавливается за Пушкиным «секретный надзор» и все это кончается тем, что поэт вынужден был принять на себя тяжелое обязательство «впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливаться выпускать в публику»⁸⁴. В письмах Пушкин жалуется на «всевозможные заботы, огорчения, неприятности»⁸⁵. «Ты зовешь меня в Пензу,— пишет он 1 сентября 1828 г. П. А. Вяземскому,— а того и гляди, что я поеду далее, прямо, прямо на восток»⁸⁶.

Не лишено интереса для понимания общего душевного состояния поэта свидетельство одного из его современников: «Среди всех светских развлечений он порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили»⁸⁷. Наконец, достаточно ярко и красноречиво говорят о тяжелых думах поэта стихотворения 1828 года.

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине...

Или:

Дар напрасный, дар случайный
Жизнь, зачем ты мне дана?...

⁸⁴ Дела III отделения. Об Александре Сергеевиче Пушкине, СПб., 1906, стр. 75.

⁸⁵ В письме к Ел. Мих. Хитрово от 6 февраля 1828 г. Пушкин. Письма под ред. и с примечаниями В. Л. Модзалевского, т. II, ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 46, 270.

⁸⁶ Пушкин. Письма, т. II, стр. 55. «Прямо, прямо на восток»—из стихотворения Жуковского «Путешественник» (Из Шиллера).

⁸⁷ Из записной книжки Н. В. Пютяты. «Русский архив», 1899, № 6, стр. 350.

Нетрудно понять состояние Пушкина. Он рвется из душной атмосферы, он хочет бежать от навязанной ему опеки царя, от преследований Бенкендорфа, от грязной клеветы и травли придворной черни... но куда?..

Началась война с Персией. Пушкин просит Бенкендорфа исходатайствовать у царя разрешение ехать на Кавказский фронт. Эта просьба в значительной степени, как отмечают биографы поэта, была вызвана желанием Пушкина увидеть своих друзей, отбывавших наказание в Кавказской армии. Пушкину отказали в разрешении ехать на Кавказ. Тогда он просит отпустить в Париж на 6—7 месяцев. Получает снова отказ. Наконец, без разрешения он покидает Петербург и отправляется на Кавказ, догонять штаб Паскевича. «Пушкин вдруг весьма круто и неожиданно,— пишет П. В. Анненков,— отрывается от общества и, в марте 1829 года, уезжает из Петербурга на Кавказ, не испросив даже разрешения на поездку у кого следовало»⁸⁸. За Пушкиным последовало строгое предписание шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа о «высочайше утвержденном» секретном наблюдении за поведением опального поэта. Вот при каких обстоятельствах и в каком состоянии духа Пушкин попадает на Кавказ.

Пушкин в своих путевых записках запечатлел один из важных моментов истории армянского народа, когда русские войска освобождали армянскую землю. Поэт показал, как различно реагировали армяне и турки на вступление русских войск в Арзрум: «Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Християн, христиан!..».

Пушкин находился в Армении весьма непродолжительное время. В бумагах поэта сохранилась записка «Маршрут от Тифлиса до Арзрума», составленная неизвестным лицом по поручению Пушкина в виде приложения к «Путешествию в Арзрум»⁸⁹. Подробная хронологическая канва к путешествию Пушкина на Кавказ в 1829 г. была составлена

⁸⁸ А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений П. В. Анненкова, СПб., 1873, стр. 209.

⁸⁹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер. «Асаѳетіа» М.—Л., 1935, стр. 879—881.

Е. Г. Вейденбаумом⁹⁰. Описанию маршрута Пушкина посвятил несколько страниц в своем очерке «Пушкин на Кавказе» Л. П. Семенов⁹¹. Восстановлены некоторые подробности в хронологическом календаре к «Путешествию», составленном И. Е. Енколоповым⁹². Хронологии пребывания Пушкина в Армении и ее разработке посвящена статья известного армянского литератора, этнографа-ученого Степана Лисициана. Он составил и приложил к своей статье специальную карту маршрута путешествия Пушкина по Армении⁹³.

Из больших населенных пунктов Пушкин побывал в Карсе, Арзруме и Гюмри (ныне Ленинакан). Последний в конце 20-х годов прошлого столетия представлял из себя большую деревню. Здесь Пушкин почивал 11 июня 1829 г. и, по предположению Е. Г. Вейденбаума, на обратном пути три дня вынужден был сидеть на карантине. Таким образом, Пушкин был в Армении проездом, в условиях войны, всего лишь несколько дней. Этим объясняется, что в бумагах поэта не осталось и следа о встречах и знакомствах в Армении, за исключением того небольшого, что имеется в «Путешествии в Арзрум».

В записках Пушкина мелькают отдельные лица, описываются случайные встречи. Пушкин увидел Арарат, Аракс, «быстро текущий в каменных берегах своих», бедное армянское селение, которое оставило издали впечатление «груды камней», «несколько женщин в пестрых лохмотьях», сидящих «на плоской кровле подземной сакли» и угостивших Пушкина сыром и молоком. На берегу Аракса «селения были пусты. Окрестная сторона печальна». Общее впечатление Пушкина от армянской земли было угрюмое; он называет Армению то «холодной», то «пустынной».

Пушкин испытал гостеприимство армянской семьи в Карсе, где он познакомился с братом хозяина дома, молодым армянином Артемием. В нем он обнаружил «охоту к войне» и сделал его своим проводником.

Беглые меткие зарисовки такого острого наблюдателя, каким был

⁹⁰ Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899, стр. 62—65.

⁹¹ Л. П. Семенов. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937, стр. 51—75.

⁹² И. К. Енколопов. Пушкин на Кавказе. Тифлис, 1938, стр. 134—136.

⁹³ Пушкин. Сб. статей к столетию со дня гибели Пушкина, Ереван, 1937 (на арм. яз.).

Пушкин, представляют исключительную ценность особенно если учесть стремление автора «Путешествия в Арзрум» быть правдивым и документально точным.

Нельзя согласиться с мнением Ю. Н. Тынянова о том, что главная стилистическая черта «Путешествия» — объективность рассказа, нейтральность авторского лица». А между тем в своей статье Ю. Н. Тынянов справедливо отмечал «иронически-важный тон» Пушкина в «Путешествии», что не подтверждает правильность его основного тезиса об «объективности рассказа»⁹⁴. Действительно, с первого взгляда бросается в глаза нарочито сдержанный тон автора. Казалось, поэт писал свои путевые записки в безмятежном состоянии духа, взирая на все с философским спокойствием. Однако это только внешние признаки стиля «Путешествия». В этих сжатых, скупых, коротких предложениях кипит беспокойная мысль, в них много дум и печали. Вот несколько примеров:

I. «Лошадь моя, закусив повод, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого турка, лежавшем поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18, бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обрнутый затылок прострелен был пулею».

II. «Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умирающий бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга».

III. «Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть, из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило, я заступился за бедного турку и насилу привел его изнеможенного и истекающего кровью к кучке его товарищей».

Разве эти строки говорят о «нейтральности» их автора? Разве в них только, как утверждал Ю. Н. Тынянов, «точность, иногда несколь-

⁹⁴ Ю. Тынянов. О «Путешествии в Арзрум» Пушкина. Временник Пушкинской комиссии, кн. 2. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 64—69.

ко нарочитая и педантическая, подчеркивающая фактический научный характер сведений»⁹⁵.

Когда официальная критика обвиняла Пушкина в недостаточном патриотизме, поэт (в черновом варианте предисловия к «Путешествию»), не без скрытого чувства раздражения, отвечал, что он «не был обязан писать по заказу г. г. журналистов»⁹⁶.

В «Путешествии в Арзрум» много горькой ироники, раздраженности, чувства досады, желчи, что было вызвано душевным состоянием поэта, с его тяжелыми переживаниями, в основе которых лежали и личные и социальные мотивы.

Природа Кавказа пленила Пушкина необычайной яркостью красок еще при первом его посещении горного края:

...В домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; все в ночной тени
Объято негою спокойной;
Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины;
Оделись пеленою туч
Кавказа спящие вершины... (I, 103—110)

...У ног его дымилась тучи... (I, 205)

...Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет
Вдоль берегов уединенных... (I, 289—291)

...Меж тем, померкнув степь уснула,
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны... (II, 214—217)

...Редел на небе мрак глубокой,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря... (II, 294—296).

⁹⁵ Там же, стр. 69.

⁹⁶ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. VIII, ч. 2, Изд. АН СССР, 1940, стр. 1024.

В «Кавказском пленнике» сказались романтические традиции предыдущего периода русской поэзии. В то же время по пейзажным отрывкам поэмы можно проследить эволюцию Пушкина, можно видеть, как в недрах романтического мирозерцания рождались и вызревали элементы реалистического восприятия природы.

Этот процесс движения Пушкина к реализму еще более наглядно выступает в зарисовках быта горцев.

Л. Н. Толстой в повести «Казак» рассказал о переживаниях Оленина, когда впервые он увидел Кавказские горы: «когда он понял всю даль между им и горами и небом, всю громадность гор, и когда почувствовалась ему вся бесконечность этой красоты, он испугался, что это призрак, сон. Он встряхнулся, чтобы проснуться, горы были все те же». Эти же «вечно прелестные, вечно изменяющиеся, играющие светом, как алмазы, снеговые горы» встречаются в другой повести Толстого — «Хаджи Мурат».

Горные ландшафты не были для Пушкина новостью. Тем не менее природа Армении заняла в путевых записках значительное место.

Вслед за общей картиной «свежих равнин», «плодоносных нив и цветущих лугов» в записках Пушкина даны зарисовки армянского нагорья, своеобразие и контрасты природы Армении. Утром Пушкин любовался ясным небом и зелеными полями, а к вечеру над громадами гор сгушались черные тучи: «Дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще... ночь была темная...» Пушкин побывал и на высотах Согоналу. Там уже другой пейзаж. «Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах...».

На утро вновь светило солнце. Пушкин любовался сияющими в утренних лучах горными вершинами.

Возвращаясь на родину, приветствуя широкие поля России и тихий Дон, Пушкин еще раз вспомнил далекую Армению:

Как прославленного брата
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Ефрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю...

Стр. с. 27
Ф. Г. Гусев

Если в южных поэмах Пушкина действуют эстетические нормы романтизма, в значительной степени сохраняющие свою силу и в лирике поэта более позднего периода, то в «Путешествии в Арзрум» автор как бы нарочито добивается максимально реалистического звучания пейзажа:

«...Луна сияла; все было тихо; топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии. Я ехал долго не встречая признаков жилья. Наконец, увидел уединенную саклю...».

«...Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя...».

И в первом, и во втором случае для автора важна прежде всего верность изображения. Он почти не прибегает к метафорам и сравнениям, отдавая предпочтение лаконичным формам, с максимальной точностью выражающие поэтическую мысль. Однако, этот нарочитый «объективизм» описания всегда сочетается с эстетической оценкой.

Никто до Пушкина с такой силой вдохновения не воспел Кавказ. Он открыл поэтическое очарование «дикой и угрюмой» горной природы не только для русских, но и для самих кавказцев.

Г Л А В А IV

После событий конца двадцатых годов Россия получила возможность непосредственного ознакомления с жизнью и бытом армянского народа.

Многие из русских чиновников, военных деятелей, литераторов, путешественников, побывали в новой области. В периодической печати 20—40-х гг. появилось большое количество путевых записок, писем к друзьям, воспоминаний и очерков об Армении. Они принесли немало пользы в деле предварительного ознакомления широких масс читателей с народом, о котором в России, даже до конца XIX века, имелось весьма смутное представление.

Очерки об Армении, созданные по непосредственным впечатлениям, освещали наряду с бытом и культурную жизнь народа⁹⁷.

Из очерков конца 20—30 гг. в особую группу следует выделить корреспонденции и записки участников Арзрумского похода. В начале 1828 г. в «Московском Телеграфе» были напечатаны без подписи два

⁹⁷ Помимо статей и очерков в центральной русской печати, в 30—40-е гг. в газетах «Тифлиссские ведомости» и «Кавказ» было напечатано большое количество статей об Армении самого разнообразного характера: об отдельных городах, исторических памятниках, зарисовки отдельных бытовых картин и т. д. Подробную библиографию см.: М. Миансаров. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказьи и племенах эти края населяющих. СПб., 1874—1876, стр. 64—65, 69—71, 216—218, 220—224, 361, 509—510 и др.

письма из Еревана, в которых автор рассказывал о ходе военных событий и, в частности, об осаде и штурме Ереванской крепости.

«Я бы желал, чтобы ты сам лично был свидетелем сей ужаснейшей картины!— писал военный корреспондент.— Нет слов описать ее в полной силе! Скажу тебе только, что все четыре стены в Эривани, мало сказать были освещены, как нельзя более, нет! они, казались мне, все были огненные и сыпали из себя град ружейных и картечных пуль! В это же время до сорока наших разнородных орудий, не огонь — ад, открыли против крепости! 24-х фунтовые пушки, по части разрушенной стены, стреляли картечами, а остальные громили ее бомбами, ядрами и гранатами. Теперь соедини в воображении своем все это вместе и прибавь еще к тому с обеих сторон гром выстрелов, треск и шум разрушающихся стен, строений, визг пуль, ядер, дикий крик гарнизона и вопли несчастных жителей... Разумеется, что через час крепость должна была замолчать, скрыть яркие огни и спрятаться во мраке темной ночи»⁹⁸.

Автор подробно рассказывал о вступлении русских войск в город, о последнем выстреле у «огромных, окованных железом» ворот, которым был убит молодой Обер-аудитор Белов, любимец генерала Красовского, наконец, о победном «церемониальном марше»⁹⁹.

Во втором письме русского вонна содержится описание города, узких улиц, «переулков и закоулков эриванских — шириною от 2-х до 3-х шагов», низеньких глиняных домиков, берегов реки Зангу, покрытых «прекрасными садами»¹⁰⁰.

В очерках этих лет много рассказов непосредственных участников военных действий и очевидцев о том, как восторженно встретило русские войска освобожденное армянское население.

В «Московском Телеграфе» было помещено подробное описание приезда генерала Красовского в армянскую деревню вблизи Арарата. Армянские крестьяне радостно выбежали далеко за деревню встречать русского генерала, который, в свою очередь, тронутый таким теплым прие-

⁹⁸ Моск. Телеграф, 1828, № 2, янв., стр. 169.

⁹⁹ О штурме русскими войсками крепостей Ахалцых и Ахалкалаки см. Петр Бестужев. Памятные записки 1823 и 1829 гг. В кн. Воспоминания Бестужевых. Изд. АН СССР, М.,—Л., стр. стр. 314—318, 483—187, 489.

¹⁰⁰ Моск. Телеграф, 1828, № 2, янв., стр. 183—190.

мом, обещал отлить колокол для их церкви из «пушки персидской», «что — писал корреспондент — порадовало и польстило возрождающемуся в жителях чувству народной гордости и любви к родине»¹⁰¹. Нетрудно понять восхищение и радость армянского населения, освобожденного русскими войсками от многовекового ига мусульман. «Они рассказывают, — писал очевидец событий этих лет, — что еще издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могиле весть, когда взойдет для армян солнце счастья, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих, рассеянных сынов Армении...»¹⁰².

В записках русских путешественников, литераторов, военных деятелей было уделено большое место описанию столицы армянской области — Еревана. После европейских больших городов, после Москвы и Петербурга, Ереван конца 20-х годов прошлого века рисовался перед ними большей частью серым, унылым зрелищем. Впечатление еще более сгушалось безотрадными картинами недавней войны.

Вот, например, вид Еревана в путевых записках кн. А. Д. Салтыкова, посетившего его в осеннюю дождливую пору, во второй половине 30-х годов: «Мы, ... въезжаем в печальный Эривань. Сквозь ряды серых стен, сооруженных из грязи, за которыми кое-где видны низкие дома также из грязи, и полумертвые сады, где большие нвы и сухие тополи осеняют бедные огороды, потопленные в болотах...».

Делижан Салтыков называет «сдва заметным, дрянным местечком», где он увидел «только несколько куч навоза да вылезавших из нор своих людей». Он смотрел на все глазами праздного туриста и не находил ничего для себя интересного. «Какая дикая природа! — восклицал в недоумении Салтыков. — В какой страшной глуши заброшен и этот Нахичевань! Не видав, нельзя себе вообразить странных форм и цвета гор и долин, окружающих нас. Самый город вовсе непонятен для европей-

¹⁰¹ Отрывки из дневника путешествия для осмотра Эриванской области.—Московский телеграф. 1829, № 7, апр., стр. 381—386.

Автором «Отрывков из дневника...» является декабрист Е. Лачинов. Полный текст «Записок» Е. Лачинова см.: М. Н е р с я н. Из истории русско-армянских отношений, книга первая, Изд. АН АрмССР, Ереван, 1956, стр. 312—396.

¹⁰² Московский телеграф. 1828, № 4, февр., стр. 563

ца. Кое-где видны стены из грязи, из-за этих стен выглядывают отвратительные старики, старухи в лохмотьях, или дети, прекрасные собою, но печальные, оборванные,— и это называют здесь городом»¹⁰³.

Д. Зубарев иначе рисует Эривань этих же лет. Он увидел дома, построенные внутри двора, высокие тополя, ореховые деревья, дающие приятную тень для проходящих по улицам, странников-дервишей, отдыхающих под чинарой, у мечети. Но русскому офицеру надолго запомнились «палящий зной, ночью душный воздух и едва приметные мелкие мошки», которые по словам Зубарева, «соделывали Эривань жилищем ада»¹⁰⁴.

По всей вероятности, Зубарев был участником Эрзерумского похода и после окончания войны некоторое время состоял на службе в Эриванском гарнизоне.

Автор обширного очерка в «Библиотеке для Чтения» с восхищенным говорит о столице армянской области.

«Я любовался на Эривань: вся в зелени и цветах»,— писал он¹⁰⁵.

«Армянской столице и свирепствовавшей в годы русско-персидской войны чуме было посвящено четвертое письмо «Впечатлений и воспоминаний покойника», помещенное на страницах журнала «Библиотека для Чтения». Автор рассказал трогательную историю жизни штаб-лекаря, венгерца по происхождению, Федора Михайловича Шуллера, который с большим внутренним мужеством боролся против чумы, оказывая помощь несчастному населению, писал ученое сочинение «О чуме» и, наконец, сам стал жертвой страшной эпидемии»¹⁰⁶.

Если Ереван произвел на большинство русских, посетивших его, не столь благоприятное впечатление, то можно уже заранее догадаться о том, какими им показались армянские деревни.

Д. Зубарев во время своего путешествия по Армении в 1828—1830 гг. побывал во многих армянских селах. Он посетил Санани, где было тогда всего 23 дома. Узунлар, насчитывающий 76 семейств, и наконец, он

¹⁰³ А. Д. Салтыков. Путешествие в Персию. М., 1849, стр. 18—20.

¹⁰⁴ Русский инвалид. 1830, № 248, стр. 992.

¹⁰⁵ Библ. для Чтения, 1848, том 85, стр. 123.

¹⁰⁶ Библ. для Чтения, 1848, том 87, стр. 111—126.

увидел маленькое поселение Цадыр, состоящее из семи «армянских хижин»¹⁰⁷.

Первое, что бросалось в глаза чужеземцам — бедность, нищета.

Восторженные строки в записках русских путешественников посвящены природе Армении, в особенности Арарату и описанию высокогорного живописного озера Севан.

«Благоговею пред тобою, древняя высь, — писал автор «Писем из Грузии», при виде Арарата, — преклоняю мою голову перед твоим челом, увенчанным сединою бесчисленных веков! Не ты ли, исполни, второе начало рода человеческого? Не ты ли, древний Арарат, пережил один все перевороты вселенной? Все изменилось вокруг тебя, и один ты остался из первобытного, один ты выснхся, как первый день творения, когда, дерзновенный, устремился ты из праха в небеса и — застыл на пути!»¹⁰⁸.

Природой устроено так, что висаяно перед глазами путника открывается огромное, синее прозрачное озеро в горах: «Вода тихо стоит в лоне своем, — писала сотрудница «Русского вестника», — или, когда дует ветер, мерно плещет едва заметными волнами о берег. Из воды выходит скала; на сей скале находится Севанский монастырь... Пониже, почти наравне с водой, видны кельи отшельников...»¹⁰⁹.

Горная страна, тогда еще с плохими дорогами, представляла мало удобств для путешественников, многие из которых привыкли ездить только в дилижансе. С большим сожалением автор «Писем из Грузии» писал о том, что ему так и не удалось из-за плохих дорог увидеть Гегартский храм, о котором он много слышал, но куда можно было попасть только верхом на лошадях.

Древняя армянская земля всегда была богата песнями, сказками, легендами и народными преданиями. Большинство русских путешественников 30—40-х годов, побывав в Армении весьма непродолжительное время, в лучшем случае несколько дней, по существу не общалось с

¹⁰⁷ Д. Зубарев. Отрывки из путешествия по Закавказью в 1828 году, 1829 и 1830 годах.— Северная пчела. 1840, № 25, стр. 99.

¹⁰⁸ Письма из Грузии.— Русский вестник, 1842, № 5—5, стр. 160.

¹⁰⁹ Письма из Грузии.— Русский вестник. 1842, № 5—6, стр. 158.

народом, за исключением отдельных, сопровождавших их местных чиновников. Вот почему сравнительно мало армянских песен, сказок, легенд в записках русских путешественников. Их очерки состоят, главным образом, из внешних впечатлений и наблюдений.

Общий вид страны, природа, города и села, жители и их внешность— все это более доступно для наблюдений иностранца-путешественника, чем жизнь населения, традиционный быт.

Большинство русских путешественников до приезда в Армению не имело достоверных сведений о стране и народе, язык которого был им непонятен. Поэтому они были лишены непосредственного живого общения с местным населением. Отсюда и трудность проникнуть в жизнь и быт незнакомого им народа, правильно понять нравы и обычаи жителей. Большая часть авторов прекрасно понимала это и была осторожна в своих суждениях и обобщениях. Так, барон ф. Корф, побывавший в Армении в конце 30-х годов, вполне справедливо писал:

«Мы доселе не имеем ничего удовлетворительного в рассуждении географии и истории Армении. Эта страна совершенно забыта; ученые изыскания не касаются ее почти вовсе. Те, которые волею или неволею принуждены говорить об Армении, отделяются общими местами, не дающими никакого точного понятия о прежнем и нынешнем состоянии этой любопытной страны»¹¹⁰.

Другой автор, Я. Турунов, развивая это положение, утверждал: «Вообще нелегко определить характер целого народа по немногим и, что еще хуже, по ошибочным данным, и это в особенности относится к народу армянскому»¹¹¹.

Среднему русскому читателю неоткуда было черпать из доступных ему источников более или менее точные сведения об Армении и армянском народе. Эти сведения, большей частью отрывочные, случайные и недостоверные, были разбросаны в различных изданиях общего обзорного характера.

Так, например, в переводной книге с многообещающим заглавием: «Историческое обозрение нравов и обычаев всех народов» армяне упо-

¹¹⁰ Проезд через Закавказский край.— Библ. для Чтения, т. 29.

¹¹¹ Я. Турунов. Армения.— Библ. для Чтения, 1855, т. 134, стр. 149.

минаются один раз, и то в такой туманной форме: «На некоторых островах Греции и в Армении женщины покрывают только рот, ибо оставлять его обнаженным считается у них величайшею непристойностью»¹¹².

Первые бытовые зарисовки в русской печати появились еще в начале XIX в.¹¹³ В конце 20-х гг. Н. Нефедьев на страницах «Вестника Европы» в форме письма к своему знакомому описал армянскую свадьбу в Астрахани. Царский чиновник, по собственному признанию, тогда впервые вступал «в круг азиатского общества» и все для него было экзотической новинкой, все было занимательно и необыкновенно.

«Хозяин встретил нас на крыльце со всеми знаками удовольствия, Амецек! Амецек!— прошу покорно¹¹⁴— повторял он вводя нас в залу, наполненную множеством женщин, погруженных в глубокое безмолвие».

Такое поведение женщины на торжестве показалось русскому чиновнику странным. Среди них он нашел много «прекрасных».

На Нефедьева большое впечатление произвел торжественный выход жениха:

«Растворяются двери, и любопытные взоры наши встретились с длинным рядом армян, величаво выступавших. Новость физиономии и горящие у каждого в руках восковые свечи придавали сей процессии в глазах наших вид необыкновенный. Жених шел впереди, отличаясь зеленою перевязью, накинутою через плечо, с вышитыми серебром на ней какими-то знаками»¹¹⁵.

Он видел на свадьбе и армянскую национальную пляску.

«Главное достоинство ее,— пишет Нефедьев,— плавность. Мужчины становятся против женщины; оба попеременно приближаются друг

¹¹² Г. Б. Деннинг. Историческое обозрение нравов и обычаев всех народов. Содержащее сравнительное описание обыкновений, обрядов, жилищ, пищи, одежды, свадеб, похорон, игр, празднеств, войн, суеверий, каст и проч. у древних и новейших народов различных стран, предшествуемое аналитическим оглавлением. Перевел с французского языка Ю. Джульяни — сотрудник по энциклопедическому лексикону. СПб., 1836, стр. 57.

¹¹³ Казанские известия, 1813, № 48, 29 ноября, стр. 7—8.

¹¹⁴ Амецек — вернее — добро пожаловать!

¹¹⁵ Узоры, орнаменты.

к другу и возвращаются на свои места, но с такою медленностью, что движение ног их едва приметно; поднимают вверх руки...»¹¹⁶.

Из отдельных русских книг об Армении следует особо выделить путевые записки Н. Нефедьева и трехтомное сочинение А. Н. Муравьева «Грузия и Армения».

Книга Нефедьева была напечатана в 1839 г. В ней автор пытается дать общую характеристику населения армянской области, как народа «воинственного, издавна обитающего на пограничной черте трех государств: России, Турции и Персии»¹¹⁷.

Нефедьев побывал в Ереване и Нахичеване, где «изумили его зрешне» роскошные сады, он любовался Араратом и Алагезом. Он бродил на берегу Аракса, который с «тихим журчанием катил свои воды, в таинственном сумраке ночи светлой полосой рисовался на земной поверхности...»¹¹⁸.

Такова чарующая сила природы Армении и всего Кавказского края. Она будила чувство поэзии иногда даже в людях, которые в сущности были так далеки от поэзии...

Когда критики «Северной пчелы» и «Вестника Европы» обвиняли Пушкина в недостаточном патриотизме, так как он не воспел успехи русского оружия, поэт в черновом варианте предисловия к «Путешествию в Арзрум» упоминает имена двух русских писателей, «бывших в турецком походе» — А. С. Хомякова и А. Н. Муравьева. «Оба находились в армии графа Дибича, — пишет Пушкин. — Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений; второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление»¹¹⁹.

¹¹⁶ Н. Нефедьев. Армянская свадьба: (Письмо к гр-ну Д-у, из Астрахани от 14 апр: 1827 г.) — Вестник Европы, 1828, № 3, стр. 307—314 (смесь).

¹¹⁷ Путешествие в Персию..., стр. 29.

¹¹⁸ Взгляд на армянскую область. Из путевых записок Н. Нефедьева. СПб., 1839. Первоначально отрывок «Взгляд на некоторые места Закавказской России» был напечатан в журнале Министерства внутренних дел, 1833, октябрь, стр. 121—134.

¹¹⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, М., «Худож. литература», 1938, стр. 976.

Андрей Николаевич Муравьев, известный писатель, паломник, автор целого ряда сочинений духовного характера, в 1848 г. анонимно напечатал обширное сочинение под заглавием «Грузия и Армения»¹²⁰. Оно распадается на три отдельные части: первая посвящена Грузии, вторая Армении, и третья — Имеретии и Мингрелии.

В предисловии автор говорит о том, что он смотрел на Грузию и Армению «более со стороны церковной», но здесь же предупреждает читателя, что «и любители исторической древности, может быть, найдут здесь нечто достойное из любопытства».

Во второй части значительное место заняло подробное описание Эчмиадзина, храмов Рипсимэ, Гаянэ и Шогакат, Гегарта, развалин Ани и других исторических памятников древней Армении. «Я старался,— говорит автор,— по мере возможности, прояснить темные их предания и дать слово жизни безмолвному красноречиво развалин». Специальная глава посвящена вопросам «несогласия армянской церкви с православной». Цель книги Муравьева,— по мере возможности способствовать, «сделать хотя один шаг к желанному сближению церквей»¹²¹.

Несмотря на специальную задачу автора, в его книге немало интересных, достойных внимания страниц.

Книга Муравьева начинается с описания открывающегося перед его глазами величественного Эльбруса: «Я устремил жадные взоры на дальнюю черту небосклона; светлое облако будто бы росло в серебристую гору, которая отражала радужные цветы заходящего солнца и вместе с ним угасала...». Здесь сказалась сила традиции, созданная в русской поэзии Пушкиным и Лермонтовым. Их вдохновенная песня о Кавказе по своему звучала для каждого русского, который пытался передать словами невыразимое очарование горной природы. «Не мне описывать чудеса природы и Кавказа, которых уже коснулась гениальная кисть наших поэтов»,— скромно замечает Муравьев. Однако он не совсем отказывается от описаний пейзажного характера. На многих стра-

¹²⁰ А. Н. Муравьев. Грузия и Армения. 3 части. СПб., 1848.

¹²¹ Часть 2-ая, стр. V, VIII—IX. На сочинение Муравьева в «Сыне Отечества» была помещена рецензия А. М. Худобашева: «Правда беспристрастного армянина о второй части последнего сочинения А. Н. Муравьева, изданного в 1848 г. под заглавием: «Грузия и Армения».

ницах он пытается передать эффекты то восхода солнца, то заката в горах, то благоухающую тишину южной ночи

«Обширное Гогчинское озеро внезапно открывалось предо мной, кипящее лучами утреннего солнца... Близко от берега чернел, на утесистом острове, древний монастырь Севанской и армянское селение Чубукалы раскинулось около озера...»¹²².

«Вечер был тихий и очаровательный: солнце склонялось за Арарат; пурпурный пар наполнял всю необъятную равнину, простертую у его подошвы, и все окрестные горы облеклись необычайным светом...»¹²³.

«Смеркалось, когда спустился я в ущелье Занги... Кое-где горели огни, в уединенных окнах, над рекою и шумела Занги в вечерней тишине...»¹²⁴.

Армения показалась Муравьеву «пустынной страной, исполненной поэтических развалин своих городов и обитателей...».

Особо сильное впечатление произвели на него развалины столицы древней Армении — города Ани. Муравьев долго любовался «мертвой тишиной, как бы сего очарованного города».

«Если вы не хотите нарушить очарование, — пишет Муравьев, — возбужденное чудным зрелищем опустевшей столицы, окиньте быстрым взором все ее каменные сокровища, и не вникайте в грустные подробности развалин. Если же хотите вникнуть в их плачевную повесть, они вам отзовутся минувшею жизнью...»¹²⁵.

Автору удалось создать цельную поэтическую картину древних развалин:

«Что-то страшное веяло из ущелья, где уже победителем стремился Арпачай, поглотив Алазу; сумрак вместе с вечерним туманом, глубоко сходил в это устье. Багровые лучи еще озаряли площадь, внутри стен, и поле за стенами, где были Ани, но в них все было мертво, — только мы, чуждые посетители, говором своим оживляли могильную тишину сей многолюдной некогда столицы, но и нас самих изгоняла ночь из негосте-

¹²² Часть 2-ая, стр. 2.

¹²³ Там же, стр. 64.

¹²⁴ Там же, стр. 106, 107.

¹²⁵ Там же, стр. 252.

примного города, где уже ни для кого не было крова:— Какое ничтожество дел человеческих!...»¹²⁶. Во время путешествия по Армении Муравьева сопровождала группа местной интеллигенции, среди которой был и Хачатур Абовян. К сожалению, автор книги уделил армянскому писателю лишь несколько строк: «Мне сопутствовали несколько служащих из Эривани, в числе их Абовян, который соединял образование Дерптского университета с местными познаниями края: он был неутомимым спутником Паррота и Абиха на Арарате...»¹²⁷.

Второй раз имя Абовяна упоминается, когда Муравьев говорит о езидах: «Все сии сведения о езидах сообщены мне были Абовяном, который сам слышал их от армянского священника, долго жившего между ними...»¹²⁸.

Эти скудные строки об Абовяне ценны, как первые русские свидетельства об основоположнице новой армянской литературы.

¹²⁶ Часть 2-ая, стр. 283.

¹²⁷ Там же, стр. 126—127.

¹²⁸ Там же, стр. 131—132.

Г Л А В А V

Во второй половине 1820-х годов посетил Армению академик исторической живописи, баталист В. И. Машков¹²⁹. Он находился при штабе русских войск и запечатлел отдельные эпизоды русско-персидской и русско-турецкой войны, а также достопримечательные живописные уголки незнакомого края. Оригиналы его трех акварельных картин с изображением ландшафтов Армении хранятся в фондах государственного Русского музея в Ленинграде; „Vue du lac de Dumagule á la frontiére de Turquie (Armenie)¹³⁰, „Vue de l'ancien couvent d'Akhkala (Armenie)¹³¹, „Montagnes de Basalte en Somkheitie (Armenie)¹³².

Все эти картины были исполнены для служебного назначения. В них художник придерживался принципа быть возможно точным как в передаче рельефа местности, так и колорита. Документальной является и четвертая картина Машкова: «Переселение 40 000 армян из Персии в Российские пределы, под личным распоряжением полковника Л. Е. Лазарева в 1828 году»¹³³.

¹²⁹ Он же Машков Владимир Иванович (1792—1839).

¹³⁰ «Вид на озеро Думагул со стороны Турции (Армения)». Фонда рисунков Русского музея, Р. 35402.

¹³¹ «Вид на древний монастырь Ахтала (Армения)». Там же, Р. 35409.

¹³² «Базальтовые горы в Сомхетии (Армения)». Там же, Р. 35413.

¹³³ Автолитография 1832 года, с оригинала 1828 года. Фонды музея Пушкинского Дома АН СССР.

С конца XIV века, после того как Армения потеряла свою государственную самостоятельность и северо-восточная часть страны стала добычей Персии, а юго-западная перешла к Турции, Россия стала для армян заветной страной. Сюда они стремятся сначала одиночками или небольшими группами. Затем приток армянского населения в русские провинции, примерно с 1723 года, еще при жизни Петра I, приобретает более организованный характер. Переселение приняло широкие размеры во время русско-персидской и русско-турецкой войн, в 1826—1828 гг. Оно происходило в тяжелых условиях: приходилось бросать все имущество и на подводах, лошадях, часто пешком, с семьями, со стариками и детьми кое-как добираться до русской земли.

Свою картину Машков писал с натуры в 1828 году, на ней изображен отдых переселенцев по дороге в Ереван¹³⁴. Художник подчеркивает торжественность момента. Он выдвигает на первый план живописные группы: справа официальных лиц во главе с полковником Л. Е. Лазаревым, слева пеструю толпу переселенцев.

В фондах музея Пушкинского Дома хранится экземпляр редкой цветной литографии с картины В. Машкова «Взятие Ахалцыха»¹³⁵. Темой ее послужила одна из блистательных страниц похода русской армии. Художник запечатлел момент ночного боя. После того, как русские войска овладели Карсом, Ахалкалаки и Хертвисом, 1-го августа 1828 года они двинулись к Ахалцыху. 15-го августа после осады и штурма они

¹³⁴ В 1832 году в «Русском Инвалиде» в разделе «Объявлений» дано довольно подробное описание картины Машкова: «В книжную лавку Андрея Глазунова, под № 25-м, поступил в продажу рисунок на большом александрийском веленовом листе, искусно литографированный и верно с натуры снятый академиком Машковым: Переселение 40 000 армян из Персии в Российские пределы, под личным командованием полковника Л. Е. Лазарева, в 1828 году. Вид сей, снятый на месте г-м академиком Машковым, представляет роздых Румийских переселенцев: вдали видны гора Арарат, река Аракс и селения Армян и Персиян, лежащие по дороге к Эривани. В правой стороне палатка и близ оной полковник Лазарев, окруженный свитою и поверенными в делах, английским и персидским, отдает наставления армянскому старшине и проч. Цена сему рисунку 7 руб., с пересылкою в города 10 руб.», «Русский Инвалид», 1832, 22 декабря, № 236, стр. 1303.

¹³⁵ *Prise d'assaut d'Akhaltzyk 15 Août 1828. Dessiné d'après nature par V. Machkoff. Dessiné sur pierre par Sabatier, fig. par Bayot. Paris.* Фонды музея Пушкинского Дома АН СССР, № 27553.

овладели крепостью Ахалцых. «Штурмовые колонны,— говорится в описании этих событий,— ворвались в город с артиллерией, т. к. здесь приходилось брать каждую отдельную постройку. От действия артиллерийского огня в городе возникли страшные пожары, так что большая часть его была к ночи в огне. Ночной бой был очень ожесточенным»¹³⁶.

Акварели В. И. Машкова являются драгоценными документами эпохи 20-х годов прошлого века. Они представляют значительный исторический интерес. Их познавательная ценность увеличивается тем, что они исполнены современником и очевидцем событий 20-х годов прошлого века. Эти картины, несмотря на их некоторую суховатость, не лишены и живописных достоинств. С. Н. Кондаков упоминает имя В. И. Машкова в числе крупных русских мастеров первой трети XIX века, рядом с немцами Егорова, Шебуева, Варнека, Венецианова¹³⁷.

Почти через два десятилетия после Машкова совершил путешествие по Армении Г. Г. Гагарин. В его путевых альбомах 1841—1843 гг. сохранилось значительное количество рисунков, сделанных с натуры. Акварели и рисунки Гагарина не равноценны. Их можно разделить на две категории. В первую следует включить все те работы, которые преследовали преимущественно цель подготовительных зарисовок. Они делались с натуры, на месте. В них художник стремился к максимально правдивой передаче виденного, к точности. Гагарин по обыкновению, отправляясь в путешествие, брал с собой дорожные альбомы, в которых он делал карандашные или акварельные зарисовки всего того, что привлекало его внимание. Интересы его были широкие. Рисунки его по своей тематике отличаются разнообразием. В них встречаются и бытовые сцены, и пейзажные наброски, и зарисовки народных типов, и, наконец, изображение памятников старины. Надписи над рисунками (большей частью на французском языке) подчеркивают их документальность. Гагарин, как правило, всегда обозначает место, иногда и точную дату, с краткими пояснениями к рисунку. Указание местности еще не дает основание судить о людях, изображенных на рисунке. Так, например, в на-

¹³⁶ Военная энциклопедия. СПб., 1911, т. III, стр. 282.

¹³⁷ Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764—1914. Составил С. Н. Кондаков. СПб., 1914, часть первая, стр. 28.

бросках уличных сцен и типов Тифлиса 1840-х годов часто изображается пестрая толпа горожан. В некоторых случаях сравнительно легко определяется ее состав. В наброске «La famille Kischmisch» («Семейство Кишмиш»)¹³⁸ мы видим сцену из жизни армянских купцов¹³⁹. На другом рисунке «Bitcl.ôs Gamins de Tiflis» («Бичо. Уличные дети в Тифлисе»), как легко убедиться по одежде, изображены армянские дети и, по-видимому, их родители¹⁴⁰. В другом случае внимание художника привлек образ бродячего кузнеца из Тифлиса, представителя многочисленных армянских кустарей¹⁴¹. В акварели «Памятник у Петханиской церкви» представлены почти все сословия тифлисских армян¹⁴². В акварели «Переправа курдов через Аракс» среди всадников выделяется фигура старика-армянина¹⁴³. Армянские типы встречаются и в картинах «В саду. В окрестностях Тифлиса», «Праздник в Алаверды»¹⁴⁴, в сценах из тифлисской жизни, в зарисовках Баку, Шемаха, Телави и др.¹⁴⁵. Кавказские рисунки Гагарина требуют специального изучения, прежде всего с этнографической точки зрения, с целью более точной расшифровки и детального раскрытия их содержания.

Северо-кавказские сюжеты, а также наброски видов Тифлиса сравнительно больше привлекали внимание исследователей. Многие из них воспроизведены¹⁴⁶. Что же касается армянских рисунков, то они до сих пор даже не описаны. А между тем, среди них немало рисунков, представляющих исторический интерес и не лишенных художественной цен-

¹³⁸ «Кишмиш», разумеется, прозвище купца.

¹³⁹ Фонды Госуд. Русского музея. Отдел рисунков. Р. 2453.

¹⁴⁰ Там же, Р. 19372.

¹⁴¹ Кн. Г. Г. Гагарин. Рисунки и наброски с натуры. СПб., 1902.

¹⁴² *Le Caucase pittoresque. Dessiné d'après nature par le prince Gregoire Gagarine*, Paris. 1847.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ См. например: Фонды Госуд. Русского музея. Отдел рисунков. «Шемаха. Сазандары». Акв. Р. 627; «Шемаха. Музыкант». Акв. Р. 628; «Музыканты» (Кавказское трио), рис. карандаш. Р. 20145; «Дорога между Тифлисом и Ереваном», Р. 19602 и др.

¹⁴⁶ См. напр.: иллюстрации к статье А. Савинова. Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин. Литературное наследство № 45—46/II, М., Изд. АН СССР, 1948, стр. 433—472.

ности. Отметим прежде всего важнейшие из этих рисунков в дорожных альбомах Гагарина.

«На берегах Аракса. Развалины персидских укреплений». Р. 19586.

«Вечер в Гегарте» Р. 19586.

«Гегарт» Р. 26073.

«Монастырь Гегарт, высеченный в скале, в 30 верстах от Еревана» Р. 19587.

«Орнаменты Гегартского монастыря». Р. 19584 (оборот), Р. 19588.

«Озеро Гокча». Р. 19589, 19591, 26074.

«Арарат». Р. 19591 (оборот).

«Базар в Ереване», Р. 19596.

«Курды на Ереванском базаре», Р. 19596.

«Ереванский Карвансарай», Р. 19597.

«Дервиши в окрестностях Еревана», Р. 19598.

«По дороге в Ереван», Р. 19599.

«Армяне», Р. 19600.

«Уличные дети (армяне)». Р. 19603.

«Делижан», Р. 19601.

«В армянской церкви», Р. 26072

«В Армении», Р. 626.

Колокольня Эчмиадзинского собора. Р. 26017.

Интерьер Эчмиадзинского собора Р. 19585.

Эчмиадзинский собор Р. 26098.

Сокольная охота Р. 19588.

Сардарский дворец. Интерьер с росписью. Р. 19593.

Набросок росписи (по-видимому, Сардарского дворца). Р. 19592.

Двор Гей мечети Р. 19594.

Без наименования (Постройки персидского типа с водоемом на переднем плане) Р. 15595¹⁴⁷.

Кроме перечисленных, в собрании Гос. Картинной галереи Армении имеются нижеследующие двенадцать работ Гагарина, поступившие туда из Русского музея:

¹⁴⁷ Оригиналы всех этих рисунков хранятся в фондах Государственного Русского музея.

- Вид на Алагяз со стороны Гюмри Р. 298.
По дороге в Дилижан Р. 299.
Долухан бек Сурмалинский Р. 300.
Церковь св. Рипсимии Р. 301.
По дороге в Ереван Р. 302.
Старая армянка с девочкой Р. 303.
Монах Сааруниан (инспектор Эчмиадз. духовной академии) Р. 463.
Монах Аветик Цагикян Р. 464.
Дверь Гегартского монастыря Р. 241.
Ереванская баядерка Р. 297.
Вечер Рамазана в Гей мечети Р. 304.
Площадь у Гей мечети Р. 305.

Большинство этих рисунков представляют карандашные и акварельные наброски с натуры. Трудно проводить строгую грань между рисунками и акварелями Гагарина. Иногда рисунок остается карандашным наброском, иногда же слегка расцвечивается. Кавказские рисунки в путевых альбомах Гагарина в подавляющем большинстве имеют эскизный характер. В то же время в них сказалось высокое мастерство рисовальщика, хорошо чувствовавшего гармонию линии, умевшего едва заметными легкими штрихами запечатлеть то, что привлекло внимание художника-путешественника. В этих рисунках много подкупающей простоты и естественности, легкости и изящества и, как справедливо заметил один из первых исследователей творчества Гагарина, «улыбка жизни играет в его рисунках»¹⁴⁸. Они служили своего рода подготовительными работами, заготовками для осуществления более широких замыслов. Впоследствии Гагарин, возвратившись к своим путевым альбомам в более спокойной обстановке, на основе их создал законченные композиции, которые были изданы отдельным альбомом большого формата в Париже под заглавием «Живописный Кавказ»¹⁴⁹ с пояснительными текстами и вступительной статьей Эрнста Штакельберга на фран-

¹⁴⁸ Сергей Эрнст. Несколько слов о рисунках кн. Г. Г. Гагарина. Старые годы, 1914, март, стр. 5.

¹⁴⁹ Часть этих литографий с тоном, отдельные листы цветные.

пузком языке¹⁵⁰. На фронтисписе — композиция Гагарина, составленная из отдельных элементов Гегартского храма: орнаменты южного и западного портала, в центре барельеф с изображением животных на южном фасаде.

В «Живописном Кавказе» воспроизведены двенадцать видов Армении:

- Карвансарай в Ереване
- Дворец сардаря в Ереване
- Главный вход Эчмиадзинской церкви
- Внутренний вид Эчмиадзинской церкви
- Озеро Севан
- Соколиная охота в окрестностях Еревана
- Переправа курдов через Аракс
- Джигитовка у Сардараната
- Отдых каравана армянских купцов в пути
- Стычка курдов с персами на фоне храма Рипсимэ
- Персидский храм в Ереване
- Изразцы Ереванской мечети.

В 1902 году, уже после смерти художника, в Петербурге был издан альбом его рисунков и набросков¹⁵¹. Только два из них посвящены Армении: «Церковь св. Рипсимы, близ Эчмиадзина» и «Городничий, уездный начальник и типы жителей Александрополя». Оба наброска сделаны в 1841—1842 гг. Первый из них впоследствии был использован в композиции акварелью «Стычка курдов с персами». Военная сцена изображена на фоне Арарата и храма Рипсимэ. Во втором наброске значительный интерес представляют типы жителей Александрополя.

В общей оценке живописного наследия Гагарина нет еще твердо установившегося мнения. В прошлом, хотя и достаточно высоко ценили его искусство, но, тем не менее, рассматривали его произведения в рамках брюлловских традиций. Так, например, Н. Врангель писал: «В области интимного понимания природы и людей, в быстрых набросках и

¹⁵⁰ Le Caucase pittoresque-Dessiné d'après nature par le Prince Gregoire Gagarine. Lithographies par les artistes français les plus éminents. Paris. 1847.

¹⁵¹ Кн. Гр. Гр. Гагарин. Рисунки и наброски с натуры. СПб., 1902.

эскизах Гагарин, после Карла Брюллова, а иногда и наравне с ним, является замечательным мастером»¹⁵². В наше время заметна тенденция пересмотреть эту точку зрения, переоценить искусство Гагарина, возвысить его. Эта тенденция сказалась в работах А. Савинова. По его мнению, акварель Гагарина «более тонка в передаче природы, чем акварель Брюллова: ее тона мягче и разнообразнее, ближе к натуре и тоньше в своей гармонии»¹⁵³. Из всех определений, быть может, справедливым представляется утверждение о том, что Гагарин «ближе к натуре», что в его рисунках и акварелях более заметна реалистическая тенденция, однако не в такой степени, чтобы это обстоятельство дало право противопоставления «реализма» Гагарина «романтизму» Брюллова. В лучших своих произведениях, в портретах и законченных композициях Гагарин остается верен традициям романтического искусства. Тонким пониманием искусства и мастерством Гагарин в значительной степени был обязан К. П. Брюллову, у которого он учился в годы юности. Совместные прогулки по живописным окрестностям Рима, беседы об искусстве оказали благотворное воздействие на Гагарина. «В этих прогулках,— писал впоследствии Гагарин в воспоминаниях о К. Брюлло-ве,— он посвящал меня в тайны колорита, объяснял мне то, что я видел не понимая, что я чувствовал, не отдавая себе отчета»¹⁵⁴.

К. Брюллов тогда находился в расцвете творческих сил, в зените славы. Его имя как великого живописца произносилось с уважением не только в России, но и далеко за ее пределами. Значительным было его влияние на русское искусство не только 1830—1840-ые годы, но и в последующие десятилетия. Стилистические особенности рисунков и акварелей Гагарина находятся в непосредственной зависимости от господствующих эстетических представлений эпохи, когда по словам самого Гагарина «движение романтизма достигло высшей степени своего развития»¹⁵⁵.

¹⁵² Н. Врангель. Выставка рисунков и этюдов Г. Г. Гагарина. Старые годы, 1910, май-июнь, стр. 77.

¹⁵³ А. Савинов. Григорий Григорьевич Гагарин. Госуд. издательство «Искусство», М., 1951, стр. 23.

¹⁵⁴ Воспоминания кн. Г. Г. Гагарина о Карле Брюллове, СПб., 1900, стр. 13.

¹⁵⁵ Там же, стр. 16.

Значительную дань романтизму и экзотике Кавказа отдал и Гагарин, что особенно наглядно можно видеть в двух его картинах: «Соколинная охота в окрестностях Еревана» и «Отдых каравана армянских купцов в пути». Изображение высоковознесенных скал в первой и спящие в ночном тумане горные вершины во второй картинах выдержано господствующим тогда в русской живописи стилем романтизма.

Период 1845—1847 гг. Гагарин провел за границей, а в 1848 году поселился в Тифлисе, где жил с перерывами до 1854 года¹⁵⁶. Теперь у него появилась возможность для более близкого знакомства и изучения искусства и быта народов Закавказья.

Гагарин получил широкое и разностороннее образование. Продолжительное время он слушал лекции в Парижском университете на факультетах: математическом, филологическом, юридическом, философском и историческом, прошел еще специальные курсы по строительному искусству и живописи. Он прекрасно владел западно-европейскими языками, знал греческий и латинский, теоретически был знаком с армянским и грузинским языками¹⁵⁷. В связи с научными занятиями по византийскому искусству Гагарин специально интересовался памятниками древней архитектуры Армении и Грузии. Его зарисовки древних храмов показывают глубокое понимание пропорции, перспективы. Они отличаются легкостью и точностью рисунка. «Мы можем судить по работам Гагарина, — пишет А. Савинов, — о глубоком внимании его к культуре и армянского и грузинского народов: с памятниками художественной старины этих народов он стремился знакомиться также, как и современной ему культурной жизнью их и виднейшими представителями. В его работах нет ни малейшего оттенка официальной, реакционной великодер-

¹⁵⁶ Г. Г. Гагарин помогал Д. И. Гримму, командированному в 1850 году Академией Художеств на Кавказ с целью изучения памятников архитектуры Армении и Грузии. Собранный Д. И. Гриммом материал хранится в Музее Академии художеств в Ленинграде. Часть рисунков находится в собрании Г. Г. Гримма, внука Д. И. Гримма. В том же году осенью в Армении побывал художник А. Е. Бейдеман. Карандашные его наброски «Эривань 2-го ноября 1850 г.», «Источники реки Занга» и виды Арабата хранятся в фондах Госуд. Русского музея. Р. 26651, 26652, 4185, 4186, 4187, 4189.

¹⁵⁷ В. Ч. Очерк художественной деятельности кн. Г. Г. Гагарина. Приложение к воспоминаниям Г. Гагарина о К. Брюллове (СПб., 1900, стр. 43—44).

жавности, — они пронизаны интересом и уважением к творческому гению народов Закавказья, с выражением которого в архитектуре и орнаменте, в прикладном искусстве и музыке, в песнях и плясках он постоянно встречался»¹⁵⁸.

Незаурядное дарование Гагарина с наибольшей полнотой и яркостью раскрылось в его кавказских произведениях. Его рисунки представляют драгоценный материал для изучения Кавказа 40-х годов прошлого века. В них запечатлены отдельные сцены жизни и быта страны, народные типы, архитектурные памятники старины. Русский художник сосредоточил свое внимание на изображении жителей незнакомого ему края, на экзотических подробностях. Он любовно рисует одежды, украшения, оружие, предметы быта. «Человек действенный и изменчивый, — писал С. Эрнст о Гагарине, — привлекал все внимание его живого гения. Тихая жизнь гор, рек и лугов не нашла себе отклика»¹⁵⁹. Нельзя не согласиться с этой оценкой. Гагарин, насколько позволяют судить его кавказские произведения, не отличался развитым чувством природы. Приходится только сожалеть, что он так мало уделил внимания пейзажу.

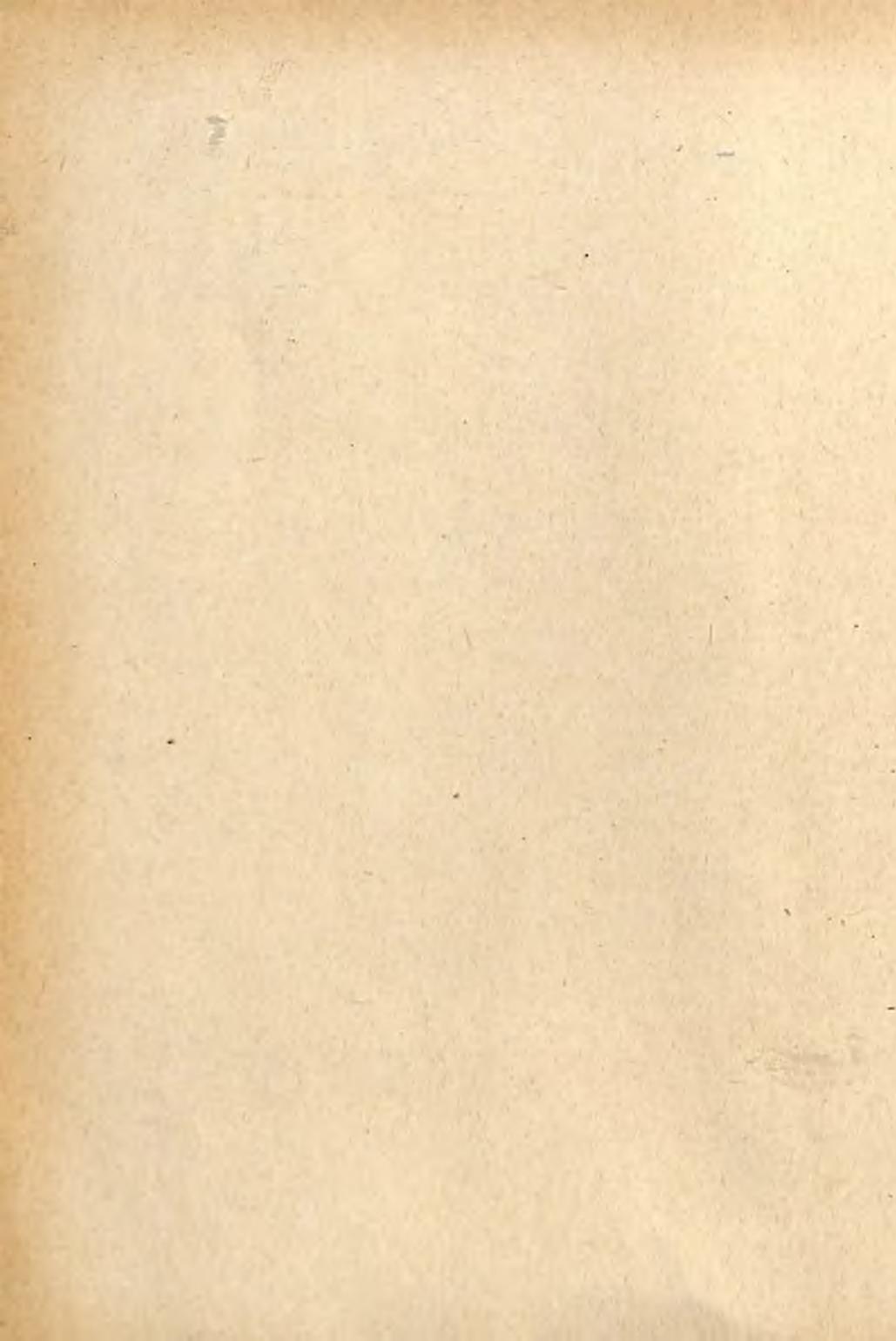
В 1840-е годы Кавказ, овеянный «дымкой романтизма», воспетый Пушкиным и Лермонтовым, стал предметом всеобщего увлечения. «Северное воображение, — писал С. Эрнст в статье, посвященной рисункам Гагарина, — пленяла экзотика таинственных гор, ущелий, высоких аулов, где грустят темноокие пленницы, развалины и живописных разбойников»¹⁶⁰. Живопись робко двигалась за поэзией. Исключения составляли картины Лермонтова, занимающие особое место в развитии русского пейзажа и представляющие огромный интерес для изучения эстетической позиции поэта. Казалось бы, что кавказская тема, так мощно прозвучавшая в России в 20—40-е годы XIX века, открывала широкие возможности для развития романтического пейзажа. Тем не менее в русской живописи этой эпохи Кавказ не занял того значительного места, которое он занимает в творчестве Пушкина и Лермонтова.

¹⁵⁸ А. Савинов. Указ. соч., стр. 20—21.

¹⁵⁹ Старые годы, 1914, март, стр. 8

¹⁶⁰ Там же, стр. 4.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

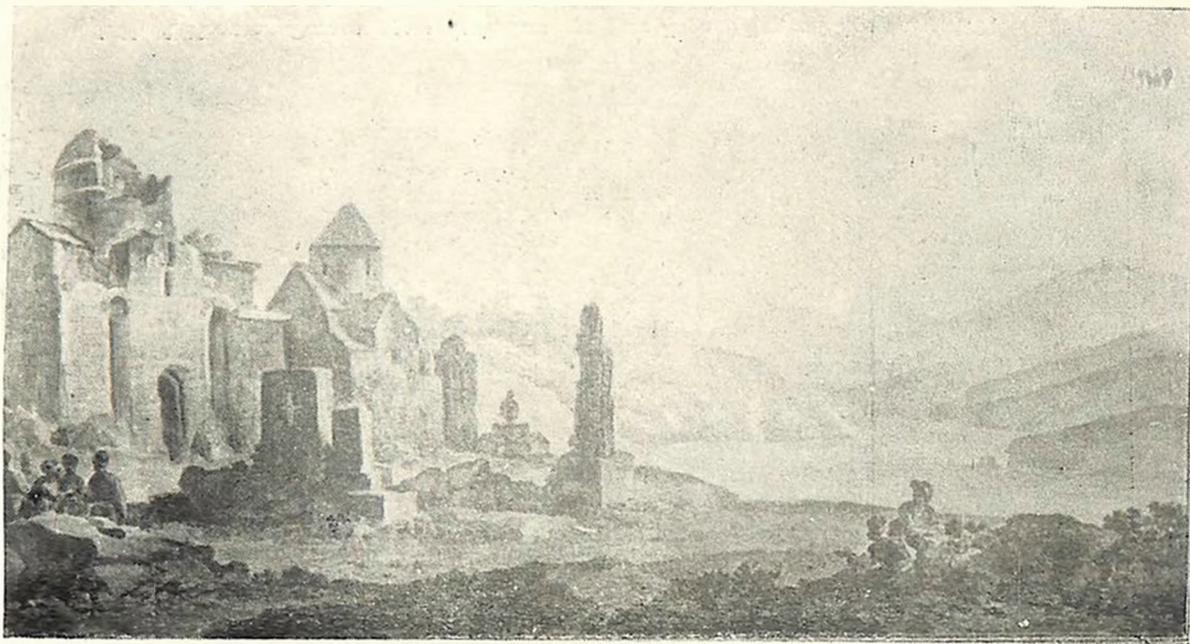

- I. М. М. Иванов. «Остатки крепости Анталя при реке Лори, в Великой Армении». 1782.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 3584, 16.
- II. М. М. Иванов. «Вид церквей в Великой Армении при реке Арпааче с гробницами знатнейших особ, вдали же развалины древнего города святые Анны» 1782.
Р. 30584, 15.
- III. Г. С. Сергеев. «Вид города Еревана близ горы Арарат при реке Занге» Гравюра Петрова по рисунку Г. С. Сергеева. 1796.
Из книги: Жизнь Артемия Араратского. (СПб., 1813).
- IV. А. Г. Ухтомский. Вид Эчмнадзина. 1805.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Гр. 32150.
- V. В. И. Машков. «Базальтовые горы в Сомхетин (Армения)» 1828.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 35413.
- VI. В. И. Машков. «Переселение 40 000 армян из Персии в Российские пределы...» 1828. Гравюра 1832 г. (Деталь).
Фонды Музея Пушкинского Дома АН СССР.
- VII. Г. Гагарин. Фронтиспис альбома
„Le Caucase pittoresque“. 1847.
- VIII. Г. Гагарин. Стычка курдов с персами на фоне Арарата и храма Рипсиме. 1847.
Альбом „Le Caucase pittoresque“.
- IX. Г. Г. Гагарин. «Соколиная охота в окрестностях Еревана». 1847.
Альбом „Le Caucase pittoresque“.
- X. Г. Г. Гагарин. Озеро Севан. 1847.
Альбом „Le Caucase pittoresque“.
- XI. Г. Г. Гагарин. Отдых каравана армянских купцов в пути. 1847.
Альбом „Le Caucase pittoresque“.
- XII. Г. Г. Гагарин. Памяничество у Петханнской церкви в Тифлисе. 1847.
Альбом „Le Caucase pittoresque“.

- XIII. Г. Г. Гагарин. «Семейство Кишмиш». 1842.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 2453.
- XIV. Г. Г. Гагарин. Уличные дети в Тифлисе. 1842.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 19372
- XV. Г. Г. Гагарин. Армянские уличные дети. 1842.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 19603.
- XVI. Г. Г. Гагарин. Гегартский монастырь. 1842.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 19587.
- XVII. Г. Г. Гагарин. Дервиши в окрестностях Еревана. 1842.
Фонды Госуд. Русского музея в Ленинграде. Р. 19598.

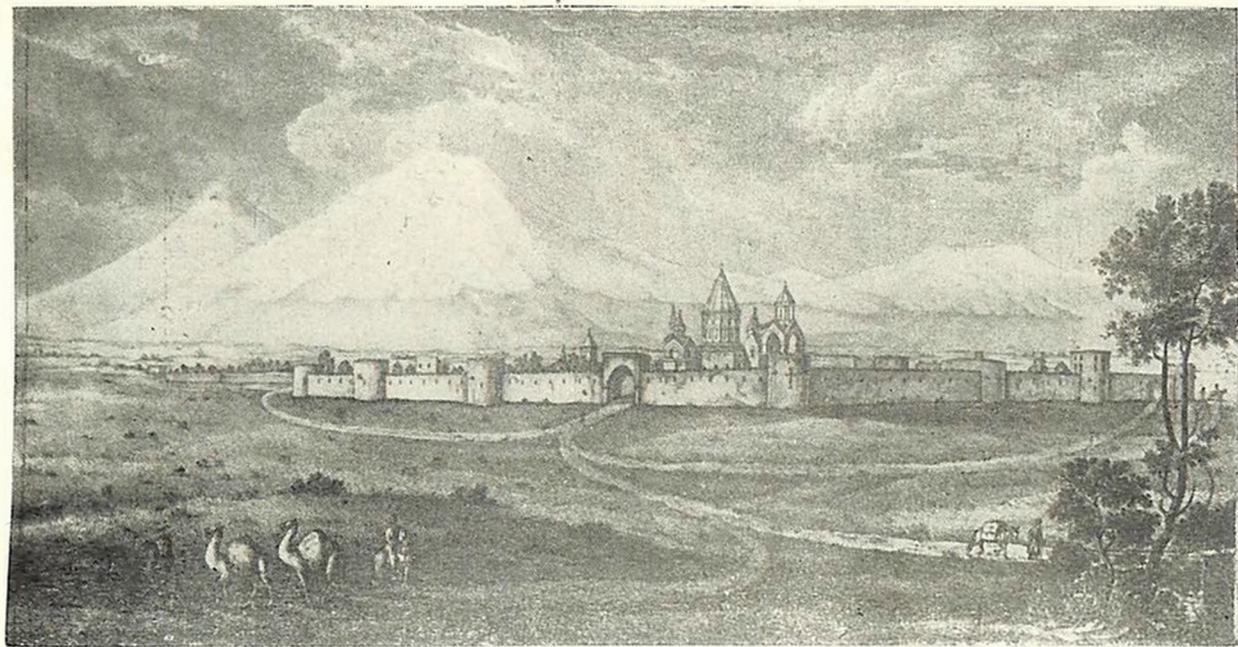
И. М. М. Иванов. «Остатки крепости Анталя при реке Лори в Великой Армении». 1782

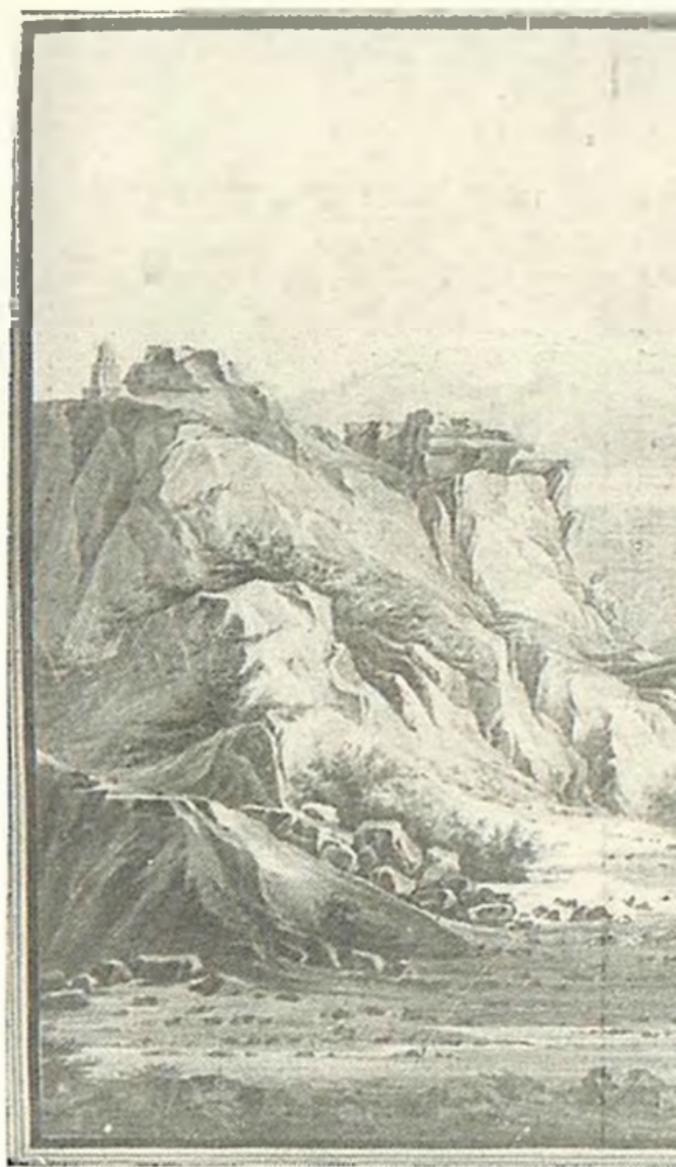
П. М. М. Иванов. «Вид церквей в Великой Армении при реке Арпачае с гробницами знатнейших особ, вдали же развалины древнего города святыя Анны». 1732.

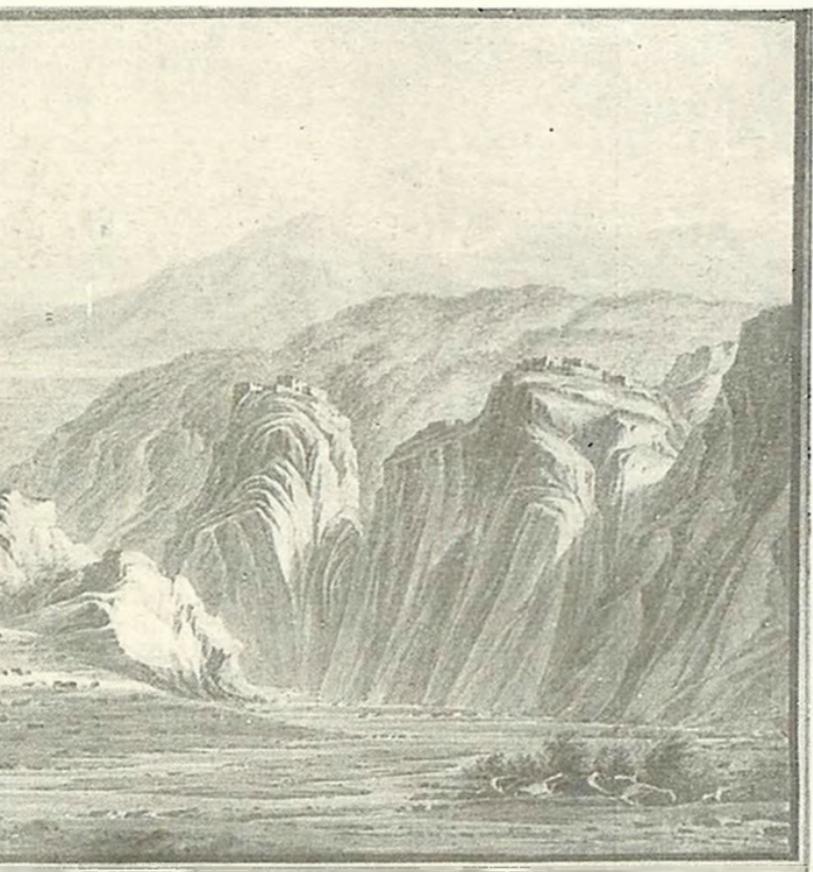
III. Г. С. Сергеев. «Вид города Еревана близ горы Арарат при реке Занге». Гравюра
Петрова по рисунку Г. С. Сергеева, 1795.

IV. А. Г. Ухтомский. Вид Эчмиадзина, 1805.

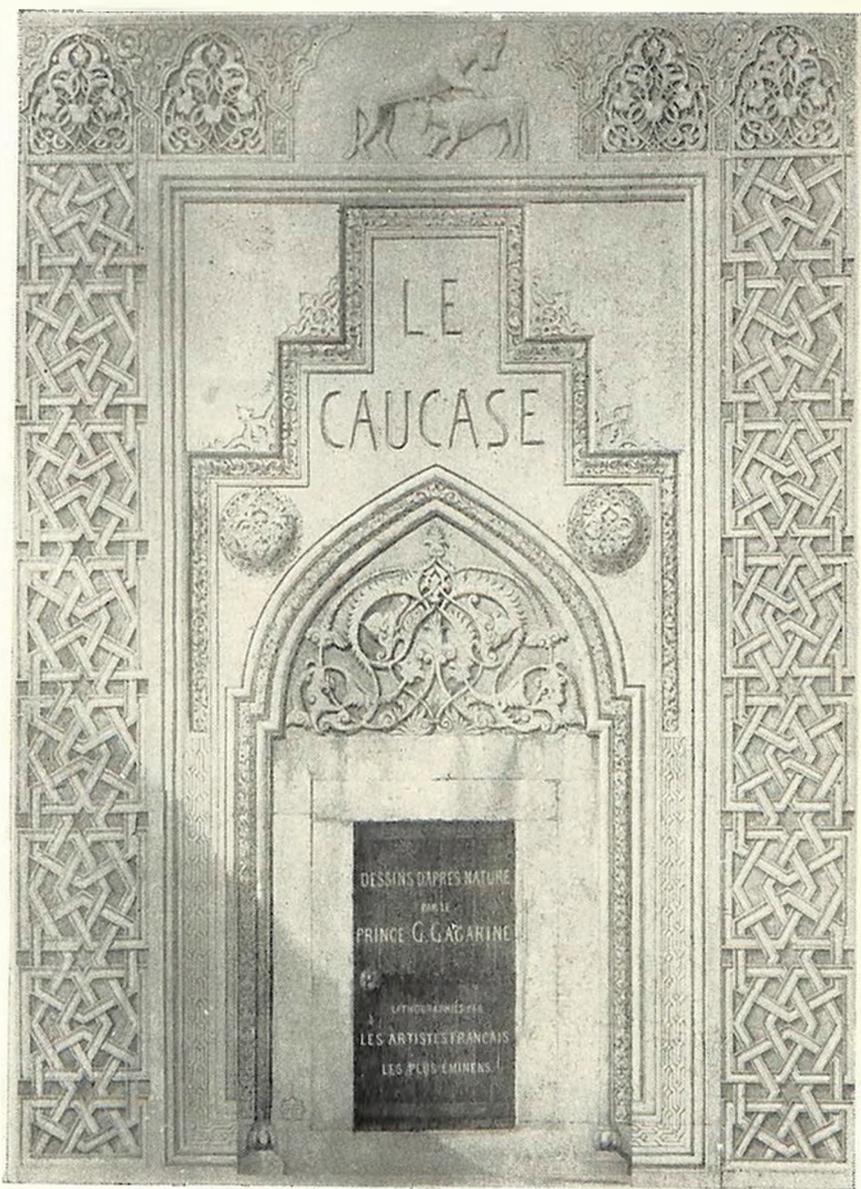
У. В. Н. Манков. «Базальто...

ые горы в Сомхетии (Армения)». 1828

VI. В. И. Машков. «Переселение 40.000 армян из Персии в Российские пределы...». 1828.
Гравюра 1832 г. (Деталь).

VII. Г. Гагарин. Фронтиспис альбома „Le Caucase pittoresque“. 1847.

УШ, Г. Гагарин. Стычка курдов с персами на фоне Арарата и храма Ришеме. 1847.

IX. Г. Г. Гагарин. Соколиная охота в окрестностях Еревана. 1817,

XI. Г. Г. Гагарин. Отдых Каравана армянских купцов в пути. 1847.

Х. Г. Г. Гагарин, Озеро Севан. 1847.

ХИ. Г. Г. Гагарин. Паломничество у Петханиской церкви в Тифлисе. 1817,

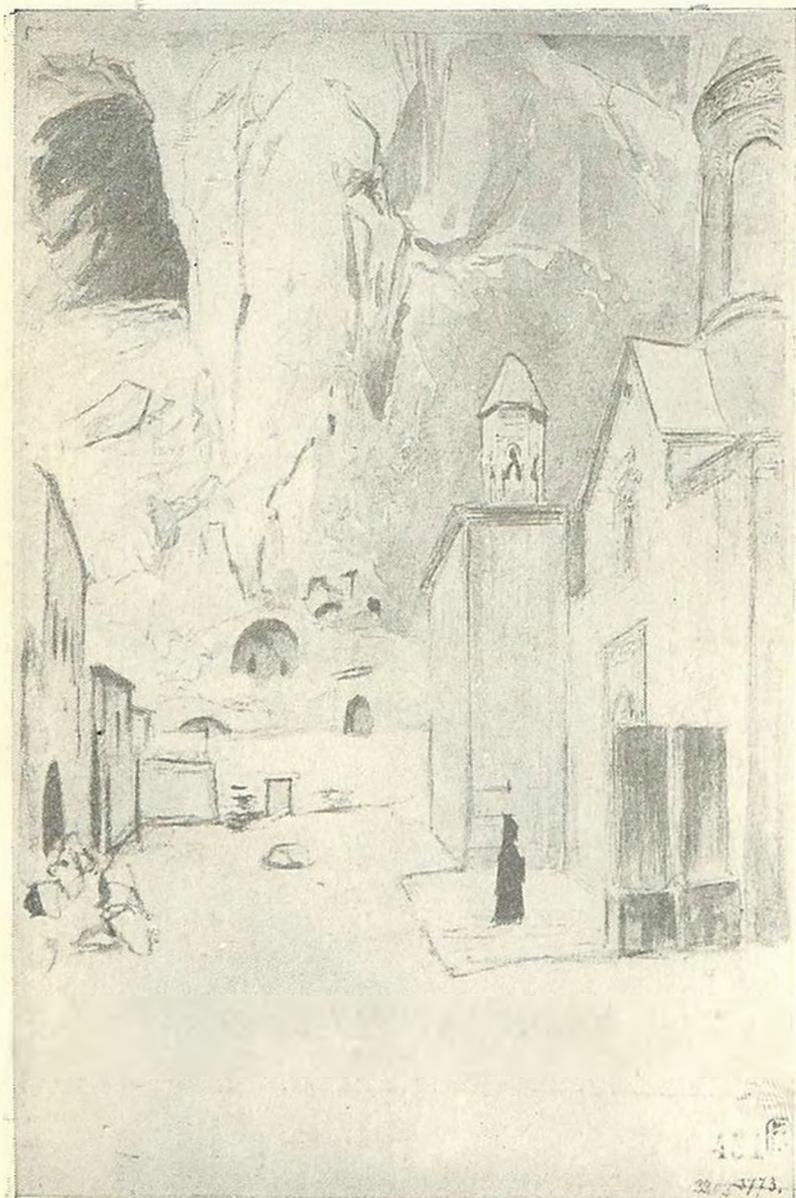
XIII. Г. Г. Гагарин. «Семейство Кичмиш». 1842.

XIV. Г. Г. Гагарин. Уличные дети в Тифлисе. 1842.

XV. Г. Г. Гагарин. Армянские уличные дети. 1812.

XVI. Г. Г. Гагарин. Гегартский монастырь. 1842.

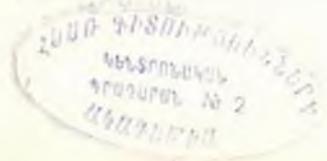
XVII. Г. Г. Гагарин. Дервиши в окрестностях Еревана. 1842.

КАМСАР НЕРСЕСОВИЧ ГРИГОРЬЯН
АРМЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ
(XVIII — первая половина XIX века)

Худ. оформление Л. А. Садожня
Техн. редактор М. А. Каплянян
Корректоры Э. Абрамова и З. К. Степанян

РИСО 733 ВФ 00613 Заказ 349 Изд. № 2076 Тираж 1000 Сдано в производство
23/VII 1962 г. Подписано к печати 11/IX 1962 г. Размер бумаги 70/92^{1/16}. Печ. л. 5,75.
Уч.-изд. л. 4,43. Цена 18 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР, Ереван, Барекамутиян 24

FL0667748

9000 41000000 0000 0000

11
68750